

1-го января. Сегодня был обычный выход в Зимнем дворце, но нового ничего не слыхать. Конференции в Лондоне по черноморскому вопросу еще не начались, но, говорят, начнутся без участия представителей Франции, так как Жюль Фавр отказался оставить теперь Париж.

4-го января. Я обедал сегодня у царя. Разговор был веселый о разных предметах, государь мне показал рисунки Зичи с изображением охотничьих сцен в Лисине, где я изображен в весьма смешном виде вместе с покойным Скарятинным. При воспоминании о нем государь говорил со слезами на глазах. Кроме меня, обедали императрица, великая княжна, великие князья Алексей и Владимир, граф Бобринский (министр путей сообщения), граф Строганов (Григорий) и Потапов. Особых политических новостей нет.

9-го января. Сегодня некоторые из моих сослуживцев по Министерству финансов давали мне прощальный обед, на нем присутствовали: товарищ министра финансов Грейг, бывший директор Департамента неокладных сборов, а ныне член Государственного совета Грот, директор Департамента окладных сборов Домонтович, управляющий Государственным банком Ламанский, управляющий Канцелярией министра финансов Кобеко, новый директор Департамента таможенных сборов Качалов, вице-директор этого департамента Тернер, инспектор пограничной стражи граф Толстой, член Совета академик Безобразов и бывший член А. А. Абаза. Обед был роскошный и очень оживленный. На душевное приветствие, сказанное мне Грейгом, я отвечал кратким приветствием в честь каждого из присутствующих, сии последние мне отвечали, так что обед, начавшийся в 6 часов, кончился только в 11 часов.

27-го января. На сих днях, а именно 22-го числа, русский музыкальный мир понес весьма чувствительную и горестную утрату — автор опер «Юдифь», «Рогнеда» и «Вражья сила» Александр Николаевич Серов, умер скорострительно, хотя перед тем и был болен несколько времени желудочным катаром. Серов мне был товарищ по Училищу правоведения, мы вместе с ним поступили в это заведение в 1835-м году при основании оно, но он был несколькими годами старше меня и вышел из училища в 1840-м году одним из первых и поступил на службу по Министерству юстиции. Еще будучи в училище, он много занимался музыкой и, кроме того, имел способности к рисованию, вообще был человек весьма даровитый. В училище он нарисовал карандашом мой портрет, который и теперь находится у Вавочки. На службе он, разумеется, не особенно отличался, занимаясь преимущественно музыкой. Раздражительный и неприятный характер его наделал ему много врагов. Как музыкальный критик он рубил сплеча и злобно враждовал против многих музыкальных авторитетов, не заявив ничем прав своих как композитор и компетентный судья. Публике неизвестно было ни одного даже мелкого его произведения, как вдруг он явился на свет с большой оперой, никто не ожидал от первого опыта особенного успеха, а между тем

«Юдифь» с первого представления поразила всех — и друзей, и врагов Серова — оригинальностью произведения и серьезностью музыкальной разработки. Талант Серова еще более обнаружился во второй его опере — «Рогнеда». Благодаря участию великого князя Константина Николаевича и <великой княгини> Елены Павловны, через мое посредство, он получил от государя за эту оперу пенсию в 1000 рублей, и, кроме того, мне неоднократно удавалось выхлопывать для него пособия от великой княгини Елены Павловны. Последняя, еще не вполне конченная им опера — «Вражья сила» — мастерски им задумана. Едва ли без него можно будет поставить ее на сцене. Серов, как все наши талантливые люди, умер в начале полнейшего развития своего таланта, не успев сказать своего последнего слова. Очень жаль его.

На похоронах его было большое стечение публики, и на них присутствовал великий князь Константин Николаевич — это, кажется, в первый раз, чтобы кто-нибудь из членов императорской фамилии принимал лично участие в выражении сочувствия к утрате талантливого художника. Великая княгиня Александра Иосифовна прислала накануне Рубинштейну лавровый венок с просьбой возложить его на главу умершего Серова в знак ее уважения к его таланту. На другой день смерти Серова был утром концерт у великого князя Константина Николаевича, на котором присутствовали государь, императрица и вся царская фамилия. Исполнили «Stabat Mater»^{* 50} Перголезе и отрывки из «Лоэнгина». По окончании концерта, в память Серова, великий князь заставил артистов пропеть дуэт из «Рогнеды», что было очень кстати и произвело очень приятное впечатление на всех артистов русской оперы.

Все это время здешнее общество было занято следствием о смерти Скарятина. Я уже, кажется, сказал, что при осмотре и вскрытии тела, когда оказалось, что Скарятин убит разрывною пулею, то было возможно сомнение насчет предположений о том, что Скарятин сам себя нечаянно застрелил. За городом начали сильно говорить, что Скарятин нечаянно убит государем, и вместо того, чтобы раскрыть истину правильным судебным порядком, стали придумывать разные тайные, экстралегальные, следственные комиссии для допроса участвовавших на охоте. Граф Ферзен, обер-егермейстер, на которого уже с первых дней молва указывала как на вероятного виновника в этом несчастии, не только не сознавался в этом, но сам и государю и всем своим знакомым рассказывал дело со всеми подробностями, уничтожающими всякое сомнение в его участии. Между тем следственная комиссия из первых допросов егерей получила почти несомненное доказательство, что Скарятин пал от выстрела Ферзена. Когда сей последний увидел, что ему трудно будет оправдаться, он решил объявить государю, что Скарятина действительно он убил нечаянно, спуская курок своего ружья. Но так как это сознание сделано им недели три после происшествия и так как все это время он не только врал без милосердия, но и старался всякими плутовствами и подговорами скрыть свою вину, то из всего этого произошел ужасный скандал, возбудивший против Ферзена ужасное негодование.

* «Матерь стояла» (лат.) — начальные слова католического гимна.

Несмотря на это, государь, со свойственным ему благодушием, не выразил Ферзену особенного гнева и согласился отпустить его за границу, куда он и должен был уехать на другой день. Между тем некоторые друзья Ферзена, как то: князь Паскевич и граф Бобринский поняли, что внезапный отъезд Ферзена за границу без всякого окончательного исследования дела будет иметь вид бегства преступника, с умыслом убившего человека. Они уговорили его остаться на несколько дней и государю также объяснили все неприличие отъезда Ферзена под тяжестью нерасследованного обвинения. Государь также приказал Ферзену остаться. Но засим возник вопрос — что делать? На совет призваны были граф Шувалов, Пален и Урусов, а сии услужливые, но неразумные советчики решили, что неприлично давать этому делу обыкновенный законный ход, что нельзя допустить, чтобы суд рассматривал показания великих князей, и что вообще неудобно передавать на рассмотрение суда случай, происходивший в присутствии государя. А потому решили — комиссии продолжать следствие и в состав комиссии назначить министра юстиции. Мне случилось доказывать графу Шувалову, что хуже подобной комбинации ничего нельзя придумать, ибо экстралегальное ведение столь простого дела только даст всем повод предполагать в нем всякую неправду, и что законный порядок в настоящем случае не только самый правильный, но вместе самый удобный и выгодный как для Ферзена, так и для тех, которые желают предупредить скандал. Судебное следствие могло бы начаться с момента признания графа Ферзена, и, следовательно, весь скандальный эпизод вранья, лжи и обмана Ферзена мог бы быть оставлен в стороне, что дело суда могло ограничиться единственно определением, было ли убийство неосторожным или нечаянным, так как в умышленном убийстве не было даже повода подозревать Ферзена. Все мои доводы не убедили Шувалова. Я решил поехать к Ферзену и уговорить его самого просить законного суда, но Ферзена я нашел в совершенно расстроенном состоянии, беседа с ним живо напомнило мне сцену в тюрьме Чичикова в III томе «Мертвых душ».

Личность Ферзена действительно похожа на личность Чичикова, только в другой сфере. Сомнительная и даже подлая репутация этого господина не мешала ему до сих пор держаться при дворе и получать все знаки отличия. На предложение мое просить суда он отвечал желанием скорее кончить дело, как бы ни было, чтобы уехать за границу. Наконец сегодня, в «Правительственном вестнике», появилась следующая публикация:

**Всеподданнейшее донесение комиссии,
высочайше назначенной для дознания причин смерти
покойного егермейстера — С к а р я т и н а**

Вашему Величеству благоугодно было возложить дознание о смерти Егермейстера высочайшего двора — Скарятинна, последовавшей на охоте 29-го декабря 1870-го года, на особую Комиссию в составе генерал-адъютанта — генерала от инфантерии — барона Ливена, генерал-адъютанта — генерала от инфантерии Зиновьева, при уполномоченных от семейства покойного Скарятинна свиты Вашего Величества — генерал-майоре князе Голицыне и ротмистре Лейб-гвардии Конного полка Чичерине и при участии министра юстиции — статс-секретаря графа Панина.

Во исполнение высочайшей воли, Комиссия, окончив возложенное на оную дознание, осмеливается всеподданнейшее повергнуть на всемилостивейшее Вашего Императорского Величества воззрение о тех обстоятельствах по означенному делу, какие обнаружены Комиссией.

На первых порах после смерти егермейстера Скарятин, вследствие того что ружье его было найдено разряженным из правого ствола, возникло предположение, что Скарятин упал, зацепясь ногой за сук, причем бывшее у него в руках ружье в упор выстрелило ему в спину, и в таком смысле было доложено о сем Вашему Императорскому Величеству.

Но произведенное 31-го декабря анатомическое исследование трупа покойного егермейстера, обнаружившее, что он убит положительно разрывной пулею, а не обыкновенною, указало на неосновательность вышеприведенного предположения, ибо заключение врачей, производивших медицинское освидетельствование, прямо оное опровергало, определив, что выстрел сделан в Скарятин не в упор, судя по отсутствию копоти и признаков опаления на пальто и принимая во внимание правильность краев отверстия на портупее, пальто и самой ране.

1) Письменное удостоверение врачей: профессора Ландцерта, профессора Красовского и лейб-медика Кареля, н. п. 1 и 3.

Мнение это относительно опаления подтвердилось опытами, произведенными Комиссией, посредством выстрелов в серое сукно одинакового цвета с пальто Скарятин.

2) Акт комиссии об опытах.

Хотя вышеизложенное побуждало уже Комиссию оставить первоначальное предположение в стороне и искать другие обстоятельства, причинившие смерть Скарятину, тем не менее первые изыскания недостаточно изъяснили дело до тех пор, покуда 9-го текущего января бывший обер-егермейстер высочайшего двора — граф Ферзен — не сознался в том, что смерть Скарятин последовала от выстрела его — графа Ферзена — ружья. Ввиду заявления графа Ферзена, Комиссия почитала своею неременною обязанностью проверить таковое со всею тщательностью и посему, чтобы восстановить действительные обстоятельства смерти егермейстера Скарятин с возможной полнотой, приступила к подробным допросам.

Путем таких допросов обнаружилось, во-первых, что когда граф Ферзен, после происшедшего из его ружья выстрела, убившего Скарятин, услышал стон последнего, то у него явилось сознание в возможности того, что он убил его.

3) Показания графа Ферзена, Василия Кожина и унтер-егермейстера Иванова.

Кроме того, оказалось, что после первого устного объяснения, данного перед Комиссией егерем Василием Кожиным, бывшим свидетелем обстоятельств смерти Скарятин, граф Ферзен склонял Кожина в присутствии унтер-егермейстера Иванова, принять выстрел, убивший Скарятин, на себя, под обещанием не только совершенной за сие безнаказанности, как за несчастный случай, а напротив, сделать его счастье.

4) Показания графа Ферзена, Василия Кожина и унтер-егермейстера Иванова. Во-вторых, сопоставление допросов с подробным осмотром местности, где происходила охота, открыты следующие обстоятельства:

В присутствии Вашего Величества, во вторник 29-го декабря, в двух верстах от станции Николаевской ж. д. «Малая Вишера» происходила охота на медведя. Стрелковая линия расположена была в лесу и имела несколько изломанное направление. Всех мест было в линии 12 номеров, и та сторона оной, от которой шел медведь, покрыта густым лесом. На противоположной стороне лес менее

густ, причем с этой последней стороны, против № 7-го, лес частый, а против 8-го сажен 10 пространства почти без деревьев.

5) Осмотр местности и показания Василия Кожина, Александра Сухопарова, унтер-егермейстера Иванова и Бабурина.

Ваше Императорское Величество изволили занимать № 7-й, имея при Особе Вашей унтер-егермейстера Иванова, рогатчика Шелагина, № егеря Федора Сухопарова 3-го. Вправо от Вашего Величества занимал № 6-ой великий князь Владимир Александрович, имея при себе егеря Бабурина. В левую сторону от места, занимаемого Вашим Величеством, на расстоянии 10-ти сажен и 1-го аршина, на 8-й версте находился бывший обер-егермейстер граф Ферзен с егерем Василием Кожиным. Налево от графа Ферзена, в 8-ми саженях, поставлен был на 9-й номер егерь Александр Сухопаров и в 9-ти саженях налево от сего последнего, на номере 10-м, находился егермейстер Скарятин с егерем Иваном Кожиным.

6) Осмотр местности и показания Кожина, Иванова, Александра Сухопарова, Шелагина, Ивана Кожина и Фураева.

При таком положении линии, при начале охоты, когда медведь, выйдя против места, занимаемого Вашим Императорским Величеством, после первых выстрелов Ваших перешел эту линию между номерами 6-м и 7-м, то Ваше Величество, Его Высочество великий князь Владимир Александрович, равно граф Ферзен и егерь Кожин обратились назад. С переходом медведя через линию до тех пор, покуда он не скрылся с глаз, Ваше Величество выстрелили в него еще 2 раза и один раз выстрел дал великий князь Владимир Александрович.

7) Показания Василия Кожина, графа Ферзена, Иванова и Шелагина.

Затем медведь, отойдя на <расстояние> от 30-ти до 40-ка шагов, был виден с номера 8-го, и тогда стреляли в него егерь Василий Кожин и граф Ферзен. Ружье последнего было заряжено разрывными пулями. Таким образом, всех выстрелов было около 10-ти.

8) Показания Василия Кожина.

Между тем, в промежуток времени до несчастного случая, егермейстер Скарятин еще при первых выстрелах Вашего Величества тронулся со своего места, держа ружье с наведенными на второй взвод курками, стволами вверх, и пошел по тропинке мимо номера 9-го.

9) Показания Александра Сухопарова и Ивана Кожина.

Он не дошел 2-х шагов до 8-го номера, отсюда повернул направо, сошел с линии и принял влево, наискось от 8-го номера, где стоял граф Ферзен, который показывает, что он видел мельком Скарятину.

10) Осмотр местности и показания графа Ферзена.

Минуты 2–3 спустя после общих выстрелов —

11) Показания графа Ферзена, Василия Кожина, Александра Сухопарова, Шелагина и Бабурина.

— в числе которых должен был быть и выстрел Скарятину, и в то время, как Ваше Величество изволило разговаривать с подошедшим к Вам великим князем Владимиром Александровичем. —

12) Показания унтер-егермейстера Иванова.

— граф Ферзен, державший свое ружье в левой руке, после слов Кожина, предлагавшего графу отдать его ружье, чтобы спустить курок, перенес из левой руки в правую так, что дуло ружья было обращено в сторону, где шел Скарятин, и, спуская курок, произвел выстрел. Выстрел этот попал в поясницу шедшего на расстоянии 14-ти шагов от графа Ферзена Скарятину и был слышен, как совер-

шенно отдельный от прочих. Мгновенно вслед за ним был слышен стон: «Ох, ох», а затем слова: «Государь, меня убили, Государь, Государь».

Эти слова слышны были только егерям Василию Кожину и Петру Шелагину, которые первые поспешили на помощь Скарятину.

Таким образом, дознание восстанавливает обстоятельства этого несчастного случая, не уясняя лишь причин, по которым покойный егермейстер тронулся со своего места на номер 10-й и пошел по направлению к номеру 8-му, а также не определяя времени его выстрела и времени, в течение которого он оставался в 2-х шагах от номера 8-го, и когда сошел с линии вправо.

Однако и эти последние обстоятельства могут быть с вероятностью объяснены, хотя путем и не положительных данных, как это представлялось возможным сделать относительно обстоятельств самого несчастного выстрела, а только лишь предположений. Так, должно полагать, что Скарятин, считая охоту оконченной, тронулся в качестве распорядителя оной с своего места, желая приблизиться к Вашему Величеству; во-вторых, что Скарятин сделал выстрел, и притом одновременно с егерем Василием Кожиним или с графом Ферзеном, последнее основано на том, что ружье его найдено разряженным из правого ствола. Что, находясь на линии в двух шагах от номера 8-го, он только с этого места мог видеть медведя и, следовательно, стрелять по нему, и что все выстрелы по медведю следовали один за другим, и отдельный выстрел был слышен только один, а именно несчастный, последовавший после всех выстрелов по медведю.

Переходя к объяснению ухода Скарятин с линии вправо, представляется вероятным, что Скарятин, видя и слыша выстрелы Кожина и графа Ферзена, в двух шагах от которых он стоял, и потеряв медведя из глаз, мог двинуться за медведем по направлению направо, не подвергая себя опасности выстрелов, и затем пройти 14 шагов в промежуток времени от последнего выстрела по медведю до отдельного выстрела, убившего его самого.

На основании всех изложенных выводов Комиссия приходит к убеждению, что егермейстер Скарятин убит на охоте выстрелом из ружья графа Ферзена разрывною пулею, в то время, когда он проходил в 14-ти шагах от последнего, причем граф Ферзен немедленно сознал в себе, что убил Скарятин.

Обращаясь же к определению свойства этого смертельного случая и имея в виду, что граф Ферзен, хотя видел мельком Скарятин, но спускал курок, держа ружье горизонтально в том направлении, где мог быть Скарятин, и не опустив дуло к земле или не подняв его вверх, Комиссия находит, что настоящее дело имеет все признаки неосторожного обращения графа Ферзена с ружьем, имевшего последствием случайный выстрел, от коего последовала смерть Скарятин.

Государь император, по прочтении такого всеподданнейшего донесения Комиссии, высочайше соизволил написать и на подлинном: «Усматриваю из дела, что смерть егермейстера Скарятин произошла от случайного выстрела графа Ферзена и признавая последнего виновным в позднем сознании, Я, во внимание к его более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее его увольнение от службы. За сим считать дело конченным».

Александр.

С.-Петербург, 25-го января 1871-го года.

Эта публикация, как и следовало ожидать, утверждала иных в убеждении, что Ферзен умышленно убил Скарятин, а других — что он принял на себя вину в неосторожности по приказанию, ибо никто не может понять, по-

чему делу не был дан ход законный, т. е. правильный. Все это в высшей степени бестактно и бестолково.

Я забыл упомянуть о совершившемся 15-го числа сего месяца великом событии — сдаче Парижа на капитуляцию. Подобные события сохраняются живо и надолго в памяти истории и без моих записок. Здесь только место указать на то впечатление, которое это событие произвело в нашем обществе. К нему оно готовилось постепенно, а потому впечатление не было особенно сильно. К быстрым и изумительным успехам германцев уже привыкли и даже почти перестали удивляться; насчет последствий этих успехов для нас по-прежнему существуют два противоположных мнения. Государь продолжает, кажется, радоваться этим успехам и верит в солидарность наших интересов с немцами. Вся же журналистика и огромное большинство людей в России предчувствует неизбежность, быть может, скорой борьбы нашей с Германией.

Конференции по Черноморскому вопросу еще не кончены, хотя на бывших в Лондоне трех заседаниях уже решены в смысле наших требований те пункты Парижского трактата, которые мы объявили для себя необязательными... Но так как засим все еще Конференция не закрыта, то, весьма вероятно, идет толк о других вопросах, и, пока не разъяснится окончательно все это дело, трудно сказать — выгодна или нет для нас вся эта поднятая нами тревога. На днях я был у князя Горчакова, который, зная, что я осуждал его неожиданную декларацию, постоянно трунит надо мною. Он прочел мне депешу Брунова, извещающую государя о том, что Конференция изменила ненавистные нам пункты Парижского трактата, но когда я спросил Горчакова — зачем же остановилось дело и почему Конференция не только не кончается, но откладывается изо дня в день с видимой целью протянуть дело, то, конечно, он отвечал мне шуточками. Тогда я объявил ему, что мой благодарственный адрес он получит не прежде, как когда все дело будет кончено и сдано в архив, а пока я сохраняю за собою право думать, что лучше бы было нам вопрос этот не поднимать.

Между тем даже из хода дела, в случае даже для нас благоприятного окончания, кажется, можно видеть, что граф Бисмарк очень неохотно и мало нам содействовал, он с первого раза выразил мнение, что лучше было бы отложить Конференцию до взятия Парижа и открытия английского парламента. Засим нет сомнения, что и эту малую услугу, которую он оказал нам, не протестовав вместе с другими державами против нашей декларации, он, без сомнения, в свое время оценит очень дорого и сочтет ее полным вознаграждением за ту громадную материальную услугу, которую мы оказали Германии нашим строгим и даже сочувственным нейтралитетом.

Между тем один из самых важных пунктов наших возможных столкновений с Германией — Остзейский край — с каждым годом становится нам враждебнее, и никогда еще правительство не доходило в этом крае до таких размеров бессилия, как теперь. Никогда поблажки всем сепаративным стремлениям в этом крае не были так безумно сильны, несмотря на громкие заявления и предостережения как журналистики, так и лиц официальных. Раздражение в русском обществе против непонятной системы правительства по отношению к Остзейскому краю с каждым годом увеличивается. Одна из главнейших причин —

всеобщее недоверие к личным тенденциям государя и лиц, на него влияющих.

У нас часто говорят о каких-то династических вопросах и интересах, и это больше из подражания. Les questions dinastiques, les intérêts dinastiques* в Европе существуют — как же не существовать им и у нас. Мне даже случалось видеть, что этим пугалом questions dinastiques** нередко люди ловкие с умением пользовались. Но я всегда был убежден, что сама мысль о том, что династия наша может подлежать какой-либо опасности или вопросу — есть нелепость. Но, несмотря на это, мне кажется, что ежели правительство долго будет продолжать потворствовать немцам и ежели, сохрани Бог, возникнет у нас серьезное столкновение с Германией, в котором мы будем побеждены, то тогда действительно и у нас может создаться вопрос династический.

Покойный государь Николай Павлович это понимал; когда он призвал к себе в 1847-м, кажется, году Самарина, просидевшего 6 недель в крепости за известные письма из Риги, и стал с ним разговаривать о содержании этих писем, то он ему между прочим сказал: «Ваши письма могут возбудить второе 14-е число» (т. е. декабрьскую революцию), и когда Самарин заметил ему, что он никогда не имел этого намерения, то государь ответил ему: «Я знаю, что у Вас нет этого намерения, но по прочтении Ваших писем всякий русский может подумать, что я и вся моя семья — немцы, ибо терпим такие оскорбления русских».

С тех пор как я по Министерству государственных имуществ постоянно нахожусь в сношениях с тем краем и участвую в разрешении этих вопросов, до того края относящихся, то убедился, что Самарин писал в своих письмах и в своих «Окрайных» не только не преувеличенно, но, скорее, ослабленно против действительности, все предубеждения и предсказания его о значении остзейского вопроса есть чистая истина. Я уже, кажется, сказал, что бездарность правительства для внутренних дел относительно безвредна, но по отношению к окраинам все его ошибки горько отзовутся нам в будущем.

Самый ярый защитник сепаратизма Остзейского края теперь — граф Шувалов, какая его цель — неизвестно, вернее всего, просто изумительная недальновидность.

Давно уже не запомню я таких упорных и жестоких холодов, вот уже 2 месяца, как термометр не поднимается выше 15-ти мороза, но почти постоянно ниже 20, и это повсеместно. Кроме того, вьюги и метели во многих местах, не только в России, но и за границей, останавливают поезда ж<елезной> д<ороги> на несколько суток. Бедствия и тяжесть войны еще увеличиваются. По-видимому, не может быть сомнений относительно заключения мира. Во Франции Республика провозглашена, и во главе ее, вероятно, будет Тьер. Старик этот долго не продержится, а будущее неизвестно. Выборы депутатов в Законодательном собрании обнаружили массу сочувствия французов к республиканской форме правления. Республики, видимо, боятся, и не без основания. Все выборные в Париже депутаты-республиканцы — отчаянные социалисты, и во главе их Виктор Гюго. Этот колоссальный враль и выживший из ума фразер получил огромное

* Династические вопросы, династические интересы

** династических вопросов

число избирательных голосов не только в Париже, но и в остальной Франции. Это доказывает, что все ужасы и бедствия войны не могли еще отрезвить эту несчастную, изолгавшуюся вконец нацию.

14-го февраля. Сегодня в ночь Россия лишилась одного из самых полезных и честных своих деятелей. Государственный контролер Валериан Алексеевич Татаринов умер скоропостижно от разрыва сердца.

Покойный принадлежал к числу, к сожалению, немногих русских людей, с упорством и настойчивостью преследовавших во всю свою службу одну цель, для достижения которой не жалел ни труда, ни воли, ни энергии для борьбы с препятствиями. Задуманное и исполненное им преобразование контрольной части останется памятником его деятельности. Эта реформа не имеет того блеска и видимой той картинности, которыми красуются другие реформы нынешнего царствования, но, не менее того, последствия ее громадны. Они отразились во всех почти отраслях нашего управления.

Судить о важности происшедших перемен в характере деятельности административных мест и лиц по отношению охраны казенного интереса может только тот, кто действовал на поприще административном деятельно, прежде и после реформы нашей системы контроля. Я помню, как при прежнем порядке в качестве директора Комиссариатского департамента Морского министерства легко было осуществить всякую свою более или менее обдуманную фантазию в ущерб Государственному казначейству, и не только свои фантазии, но и фантазии всякого начальника отделения или бойкого столоначальника — достаточно было кое-как сгруппировать цифры, составить всеподданнейший доклад, в котором доказать пользу задуманного расхода, и все беспрепятственно разрешалось высочайшим повелением, а засим все шито и крыто. Легко себе представить, как этим часто пользовались во всех министерствах, и вовсе даже и не с целью злоупотребления, а из похвального желания сделать, по-видимому, хорошее дело. Частный, минутный интерес весьма естественно брал верх над общим интересом, представитель которого не мог вовремя остановиться или предупредить несвоевременный или относительно бесполезный расход. Теперь этой лихости и произволу отдельных начальников положили предел, может быть, даже отчасти слишком ограниченный, но из двух зол, конечно, последнее имеет менее вредные последствия. Я положительно и по опыту удостоверяю, что всякий более или менее знакомый с делом администратор должен теперь прежде окончательного решения какого-либо из ряда вон выходящего вопроса строго обдумать все последствия своего распоряжения и быть готовым оправдать это распоряжение перед Контролем. Эта необходимость крайне докучлива и в особенности не по нутру лицам, имеющим поверхностное понятие о деле. Поэтому борьба с Контролем и жалобы на него слышались по всем ведомствам. И тут личные качества Татаринова были не оценены. Самая реформа встречена была всеми ведомствами не сочувственно и с неодобрением. Татаринов своей упорной настойчивостью не только провел ее, но и привел в исполнение, устранив все громадные препятствия, заключавшиеся преимущественно в крайне сложном механизме отчетоводства и отчетности. Почти разом во всей России вве-

ден был новый порядок. Сколько нужно было терпения и энергии, чтобы приготовить к новому делу людей, образовать их и не запутать в самом начале все дело. Засим ежедневные столкновения со всеми министрами, борьба с ними по важным и мелочным вопросам подвергали терпение Татаринова, а также и характер его таким тяжелым испытаниям, что я всегда удивлялся, как мог так спокойно этот человек переносить такие неприятности. Дело в том, что не подкупная никакими влияниями честность Татаринова давала ему нравственную силу и обезоруживала самых ярых его противников. Он к делу относился так объективно, что спорящий с ним никогда не имел повода раздражать спор личностями. При этом Татаринов сам лично очень много работал, отлично знал свое дело, и в этом отношении он незаменим. Дело, им заведенное, не пропадет, но, к несчастью, он его еще не вполне кончил, или, лучше сказать, не вполне его отделил. Опыт указал на необходимость многих упрощений как в счетоводстве, так и в отчетности, самый характер контроля, вероятно, под его руководством сделался бы менее придирчивым к мелочам и проч., но во всяком случае за то, что он сделал, Россия должна быть ему очень благодарна. Замечательно, что в высших сферах потеря Татаринова гораздо менее вызывает сожаления, чем в сфере низших деятелей. В чиновничьем мире заслуга, оказанная Татариновым, лучше понимается и оценивается.

16-го февраля. Сегодня, совершенно неожиданно для меня, назначен на место Татаринова Александр Аггеевич Абаза. Я узнал об этом назначении из следующей записки: «Спешу тебе сообщить, как лучшему моему другу, о совершенно неожиданном для меня событии: сегодня в первом часу прислал за мной государь и объявил мне, что назначает меня государственным контролером. После этого он поехал к великой княгине Елене Павловне просить моего увольнения. Кажется, все дело устроил Рейтерн. Не зайдешь ли вечером? Твой А. А. Абаза. (Указ еще не подписан, а потому лучше не разглашать.)»

Совершенно независимо от моих дружеских отношений к Абазе я очень доволен этим назначением. Для контрольного дела Абаза не будет в состоянии заменить Татаринова, но по всем другим вопросам, рассматриваемым в высших учебных заведениях при участии государственного контролера, Абаза может с выгодой его заменить, ибо имеет больше сведений по финансовой части, способнее его и имеет взгляд более обширный. Замечательно, что я вчера провел вечер у Абазы, и мы много толковали о возможных кандидатах на место контролера, но ни ему, ни мне на мысль не приходила его кандидатура. Это потому, главным образом, что Абаза, состоя гофмейстером при великой княгине Елене Павловне, казалось, отказался от надежд выступить на гражданском поприще, занялся собственными, довольно расстроенными, делами, взял вместе с бароном Унгерном концессию на постройку железной дороги от Кременчуга до Полтавы, а потому вышел как будто бы из числа лиц, выставляемых кандидатами на высшие должности. Лет пять тому назад, когда министр финансов Рейтерн серьезно собирался оставить министерство, он предлагал государю назначить Абазу к нему товарищем, с тем чтобы передать ему потом министерство, но государь на это не согласился, и назначен был

тогда товарищем Грейг, который до сих пор занимает это место. Впоследствии, в 1864-м году, Рейтерн, имея весьма высокое мнение о способностях Абазы и понятие его финансовых кредитных вопросов, поручил ему негоциацию внешнего займа в Париже, и хотя Абаза это дело исполнил с успехом, но во время его пребывания в Париже с ним случился весьма неприятный эпизод, много повредивший ему в общественном мнении и в глазах государя, а именно — он проиграл в карты значительную сумму денег, и хотя состояние его и могло выдержать сию новую брешь, уже не первую по страсти его к игре, но тем не менее проиграть в карты во время исполнения важного финансового поручения было делом крайне предосудительным. Несмотря на это, на другой же, кажется, год Абаза назначен был государем председательствовать в С.-Петербургском земском собрании, так как бывший тогда предводитель дворянства граф Орлов-Давыдов вышел перед тем в отставку, предвидя, что его до председательства не допустят. Настоящее его назначение состоялось по просьбе Рейтерна, но ему содействовал и граф Шувалов. Сей последний, видимо, надеется найти в Абазе способного человека для своей партии, в которой до сих пор не было и нет ни одной личности, мало-мальски способной к делу. Я надеюсь, что Шувалов ошибется, и хотя я не ожидаю от Абазы, чтобы он своим участием в делах Комитета министров и Государственного совета усилил бы партию явных противников Шувалова, но, по всей вероятности, он будет держать себя на нейтральной почве, вроде Рейтерна.

Замечательно, что в воскресенье совсем уже было решено, что государственным контролером будет назначен барон Кистер. Это назначение было бы решительным во всех отношениях скандалом. Барон Кистер — ничтожнейшая и бездарнейшая личность, умевший разными послугами подделаться к Адлербергу — отцу и сыну — и занимает теперь место контролера императорского двора; что он там сделал хорошего — никто не знает, но за несколько лет он нахватал пропасть наград, и денежных, и других, ходит теперь в Александровской ленте, составил себе состояние и, говорят, устроил состояние семейства Адлербергов. Я знал Кистера несколько лет тому назад маленьким чиновником при бароне Мейендорфе — управляющим Кабинета. Он прислуживал баронессе почти как лакей, и когда, вместе с ботаническим садом, которым он, по протекции Мейендорфа, заведовал, он достался министру государственных имуществ, то Зеленый спустил его от себя как человека никуда не годного и неблагонадежного. Замечательно, что барон Кистер сам отказался от места государственного контролера под предлогом, что он боится, что его министры заедят. Он понял, что как только он выйдет из тайны императорского двора на свет Божий — все его увидят и оценят его ничтожность. Сегодня напечатана в газетах следующая телеграфическая депеша:

«Versailles, 26 Février 2 heures 7 min.

A l'Empereur Alexandre II.

C'est avec un sentiment — inexprimable et en rendant grâce à Dieu, que je vous annonce que les préliminaires de la paix viennent d'être signés par Bismark et Thiers L'Alsace, mais sans Belfort, La Lorraine allemande avec Metz sont — cedées à

l'Allemagne; cinq milliards de contribution seront payés par la France. Après et à mesure du paiement de cette somme le pays sera évacuée en trois ans. Paris sera occupé en partie jusqu'à la ratification de la paix par l'assemblée Nationale de Bordeaux. Les details de la paix se traiteront à Bruxelles. Si la ratification a lieu, nous voilà à la fin de cette guerre aussi glorieuse que sanglante et qui nous a été octroyée avec une frivolité sans exemple. Jamais la Prusse n'oubliera, que c'est à vous qu'elle doit, que la guerre n'a pas pris des dimensions extrêmes...»* (окончание срезано).

Итак, постыдный и разорительный для Франции мир заключен. Торжество Пруссии полное, условия, ею предложенные, жестоки, оскорбительны и надолго низводят Францию на степень вассального Пруссии государства.

Эти условия сообщены нам уже после их принятия. Советам и просьбам о снисхождении к тяжкой участи побежденных не дано никакого значения. После всего этого, выражение, употребленное государем в его ответной депеше, — «partage votre joie**» — по малой мере есть выражение наивное и неудачное. Кажется, особенно радоваться нам нечего, и в особенности заявлять о своей радости публично — нечего и неприлично. Я уверен, что это выражение: «Je partage votre joie***» — произведет во Франции против нас возмутительное действие. Хороша также фраза в депеше Вильгельма: «Guerre aussi glorieuse que sanglante qui nous a été octroyée avec une frivolité sans exemple****». Но эта фраза только смешна. Остается нам надеяться, что «Jamais la Prusse n'oubliera, que c'est à vous qu'elle doit que la guerre n'a pas pris des dimensions extrêmes*****».

Наконец Конференция в Лондоне по Черноморскому вопросу окончилась, и, кажется, для нас благоприятно, судя по прилагаемой депеше:

«№ 39. Депеша. Лондон, 2-(14-го) марта. Вторник.

В заседании Конференции, происходившей сегодня утром, все уполномоченные, в том числе уполномоченные Франции, подписали трактат, уничтожающий статьи трактата 1856-го года, относящиеся до положения России в Черном море».

* Версаль, 26 февраля 2 часа 7 мин.

Императору Александру II.

С невыразимым чувством и принося благодарение Богу, извещаю Вас, что предварительные условия мира подготовлены к подписанию Бисмарком и Тьером. Эльзас, но без Бельфорта, германская Лотарингия с Мецем уступлены Германии, пять миллиардов контрибуции будут выплачены Францией. После полной и постепенной уплаты контрибуции страна будет освобождена в течение трех лет. Париж будет частично занят до ратификации мирного договора Национальным собранием в Бордо. Детали же мирного договора будут обсуждаться в Брюсселе. Ратификация явится концом этой войны, столь же славной, сколь кровавой, которая была нами одержана с легкостью, каковой примера еще не было. Пруссия никогда не забудет, что именно Вам она обязана тем, что война не приобрела слишком больших размеров.

** разделяю Вашу радость

*** Я разделяю Вашу радость

**** Война столь же славная, сколь кровавая, которая нами одержана с легкостью каковой примера еще не было.

***** Никогда Пруссия не забудет, что именно Вам она обязана тем, что война не приобрела слишком больших размеров.

Нельзя не радоваться и не благодарить Бога за то, что эта дипломатическая экспедиция кончилась для нас счастливо. Следы постыдного Парижского мира отчасти сглажены. Народное чувство удовлетворено. Все это досталось нам дешево, но дешево только в том случае, ежели Пруссия не поставит нам в цену оказанное нам содействие и ежели не сочтет эту услугу полным возмездием за громадную помощь, которую мы оказали ей в нынешнюю войну своим нейтралитетом. Только время укажет, в какой мере мы поступили осторожно, дав Пруссии случай с нами так дешево покончиться. Князь Горчаков очень доволен своей дипломатической победой. До конца своей карьеры ему посчастливилось совершить дело, лестное для народного самолюбия. Теперь только нужно опасаться увеличения желания скорее создать какой-нибудь сильный флот на Черном море. Это может окончиться нашим окончательным разорением, а флота все-таки не будет, ибо флот более, чем даже армия, есть результат успеха и процветания всего государства. К счастью, великий князь Константин Николаевич далеко не так порывист, как прежде, и к морскому делу значительно охладел, а то бы началась у нас сейчас сумасшедшая работа во всех адмиралтействах — и наших и иностранных.

4-го марта. Сегодня напечатана в «Правительственном вестнике» следующая статейка:

№ 40. «В течение 15-ти лет Россия неуклонно выполняла обязательства Парижского трактата, как ни тягостны были некоторые из них для ее достоинства. Политические события вызвали, однако, значительные изменения во многих постановлениях этого трактата, а с ходом времени во многом существенном изменилось и относительное положение европейских государств. Подчиняться долее тем ограничениям, которым Россия была подвержена в Черном море, омывающем ее собственные берега, в то время как отношения между прочими государствами подвергались весьма осязательным переменам, было уже невозможно. Циркуляром от Государственного канцлера, от 19-го октября, императорский Кабинет заявил Европе, что не считает себя более связанным стеснительными условиями на Черном море, что государь император вступает вновь во все верховные права свои на этом море, предоставляя и другому прибрежному владетелю восстановить и свои верховные права во всей их полноте.

Невзирая на неумеренные и пристрастные возгласы во многих органах европейской печати, великие державы, подписавшие Парижский трактат, усмотрели в настоящем циркуляре не вызов Европе, не тайные замыслы против ее спокойствия, а прямодушное и умеренное заявление и решились, по предложению северо-германского правительства, собраться на Конференцию, дабы согласовать эти заявления России с трактатом 1856-го года. Наш кабинет охотно принял участие в этой Конференции, тем более что в самом циркуляре 19-го октября было выражено, что Его Императорское Величество расположен заключить всякий новый международный акт, имеющий целью обеспечить всеобщий мир при обеспечении достоинства России. Занятия Конференции были весьма затруднены и замедлены современными политическими событиями. Но с самого начала уже выразилась со стороны держав единогласная готовность разрешить вопрос в духе миролюбия и справедливости. Во вчерашнем номере «Правительственного вестника» помещена телеграмма, извещающая о подписании на Лондонской конференции

1871 год

нового трактата, отменяющего те статьи Парижского трактата, которые ограничивали верховные права России и Турции на Черном море.

Не подлежит сомнению, что не только все русские, но и все друзья мира и справедливости искренне порадуются этому делу европейской дипломатии. Это дело, не нарушая ничьих прав, не требуя ни от кого никаких жертвований, восстановило права нарушенные, устранило символ международного недоверия и скрепило искренние отношения между государствами.

«Это дело по преимуществу есть дело мира и справедливости».

6-го марта. Сегодня ровно год, как я представлялся государю в звании товарища министра государственных имуществ. Не могу по совести похвалиться какою-либо особою деятельностью в течение года. С делами министерства ознакомился настолько, что получил о них общее понятие. Лесная часть, окончательно обратившая мое внимание, страдает недостатком средств к ее устройству.

Положение товарища министра вообще весьма деликатное, даже и в том случае, ежели товарищ находится в самых лучших отношениях с министром, мое же положение несколько осложняется тем, что Зеленый пригласил меня вступить в министерство, будучи в столь расстроенном состоянии здоровья, что он положительно был уверен, что не в состоянии будет продолжать управлять министерством, а потому решительно объявил мне, что не пробудет дольше зимы. Но теперь здоровье его совершенно поправилось, и ему нет ни малейшего основания, ни повода проситься на покой. Весьма естественно, ему приходит на мысль, что я считаю себя обманутым в своих ожиданиях, — в этом смысле он сам мне сознался, что получал безымянные доносы, в которых предупреждали его, что я будто бы интригую для того, чтобы скорее сесть на его место. Хотя я верю его заверениям, что он не обращает внимания на эти доносы, но тем не менее я с еще большей осторожностью воздерживаюсь от какой-нибудь серьезной инициативы по делам, по которым следовало бы что-нибудь сделать. По совести могу сказать, что во мне не только нет никакого нетерпения скорее занять место министра, но я даже очень рад, что имею более возможности располагать своим временем.

Я уже настолько вкусил сладости власти при тех условиях, при каких она у нас обставлена, что очарования во мне нет ни малейшего. Я убежден, что особого значения в министерстве при настоящем его составе и характере деятельности я иметь не буду, ибо для того нужны совсем иные способности и нужно быть в хороших отношениях с лицами, к которым, напротив, я питаю глубокое презрение. Мне предстоит весьма серьезная задача, а именно: ко времени упразднения Министерства государственных имуществ приготовить проект образования Министерства торговли и промышленности. Государь еще недавно, по ходатайству Съезда сельских хозяев об учреждении подобного министерства, говорил Зеленому, что он эту мысль совершенно разделяет и что ее нужно разработать, и Зеленый отвечал государю, что я этим занимаюсь, задача эта очень нелегка: начертать проект министерства — не шутка, но желательно предложить что-нибудь дельное, в особенности придумать что-либо толковое для образования местных провинциальных органов министерства, таких органов, кото-

рые бы соответствовали потребностям, имели бы жизнь и вместе с тем ладились бы с общим характером наших административно-хозяйственных учреждений. Мысли мои насчет этого вопроса еще далеко не установились. Весьма вероятно, ежели мне удастся выработать что-нибудь дельное и обстоятельства будут благоприятствовать, то я не буду обойден при назначении на место министра нового министерства.

Ежели бы я имел охоту или расположение действовать наобум, то и тогда пример наших самоуверенных и легкомысленных генералов-министров мог бы излечить меня от этого недуга.

Недавно граф Бобринский — министр путей сообщений — представил собою пример, до чего может дойти легкомыслие, самоуверенность и пустота в наших государственных людях. Получив назначение министром путей сообщений вне всякой иерархической постепенности, он, вместо того чтобы серьезно заняться делом, изучить его, начал с того, что переломал все свое управление.

Проект своих изменений внес в Государственный совет, который, признав, что Бобринским предлагаются коренные изменения в самом устройстве министерства, назначил особую Комиссию из представителей всех министерств для обсуждения, в какой мере полезны предлагаемые изменения в общем наказе министров.

Комиссия единогласно отвергла эти изменения. Бобринский понес проект прямо государю, помимо Государственного совета, и выпросил утверждение этого проекта. Засим приступил к ломке своего управления. Разогнал всех знавших дело людей, посадил новых из разных посторонних ведомств, все людей молодых, рьяных и столь же самоуверенных, как и он сам, вот и пошла потеха. Начали ребята валять проект за проектом, но все незрело, необдуманно, так что даже самой поверхностной критики наших высших коллегиальных учреждений ни один проект не мог выдержать. Тут явились проекты передачи Волги на содержание жиду Эпштейну, с правом учредить туерное пароходство⁵¹ с субсидией в 7 миллионов рублей от правительства, и все это прямо к царю, помимо Комитета министров, но проект этот в Совете министров под председательством государя, к счастью, был единогласно отвергнут.

Та же участь постигла и проект изменения линии севастопольской и проект передачи шоссе в земство. Наконец, в заключение всего, сам Бобринский чуть не умер от прилива к сердцу. Он просто надорвался, как молодой жеребенок, без толку рвавшийся, чтобы стянуть воз не по силам. Теперь он человек надломленный и едва ли будет в состоянии снова вступить в управление министерством.

Удивительный, право, у нас взгляд на людей, способных занимать высшие должности. Солидный господин с хорошим, честным именем, ни в чем пакостном не замеченный, уже считается годным на все, хотя в жизни своей ровно никогда ничего не делал. К сожалению, самоуверенность невежества всегда отличает этих господ и, не говоря уже о других недостатках, преобладание подобных людей в министерстве до такой степени опускает уровень суждения по всем вопросам в высших коллегиальных собраниях, что, право, не знаешь иногда, что кто такое говорит и где это говорят. Точно в каком-

нибудь в салоне с дамами поведена речь о текущих делах. Мне не раз приходилось чувствовать, что даже неприлично пробовать поднять вопрос на некоторую высоту. Люди даже менее способные и умственно развитые, чем гг. Шувалов, Тимашев, Бобринский, Урусов, Пален, Лобанов, Краббе и проч., но люди деловые, т. е. сами занимавшиеся последовательно каким-либо делом, стали бы говорить непременно о деле серьезно и не останавливаться на одной только анекдотической стороне вопросов. Положительно могу удостоверить, что при таком направлении деятельности наших министров самая легкая обязанность в России — это обязанность министров, она менее всего требует напряжения умственных способностей и усидчивого труда. Мне гораздо труднее быть столоначальником, председателем палаты, директором департамента, чем управлять министерством.

Вчера окончательно ратифицирован был трактат, вследствие лондонских Конференций изменяющий Парижский трактат относительно нейтрализации Черного моря. По этому случаю был парад и пушечные выстрелы, а сегодня в «Правительственном вестнике» напечатаны все протоколы Конференции и следующий рескрипт на имя князя А. М. Горчакова:

Князь Александр Михайлович.

Ныне минуло ровно 15 лет с того дня, как подписан Парижский трактат, на который Россия вынуждена была согласиться в силу обстоятельств. С тех пор ход событий, совершившихся в Западной Европе, настолько поколебал основания сего международного договора, что на одной России оставалось соблюдение тягостных для ее достоинства условий, имевших предметом ограничение исконных ее прав на Черном море. Эти события, изменившие во многом положение дел в Европе и ослабившие тем самым силу Парижского трактата, внушили Мне мысль внушить иностранным державам всю неправомерность условий, тяготевших над Россией, условий, которые не только наносили материальный ущерб ее интересам, но оскорбляли с тем вместе и государственное и национальное достоинство. Выполнение Моей мысли принадлежало Вам. Вы открыли первые по сему отношению циркулярной нотой от 19-го октября минувшего года. Напрасные опасения, вызванные в некоторых иностранных кабинетах сим первым сообщением, поставили Вас в необходимость рассеять все недоразумения ближайшим разъяснением истинного смысла Моих чистосердечных намерений, основанных на чувстве справедливости и на постоянном моем стремлении оберегать честь и достоинство России. Благодаря Вашим усердным и просвещенным стараниям, вопрос, казавшийся одно время спорным, настолько был уяснен, что он мог быть рассмотрен в собранном на сей конец международном совещании в настоящем его виде и значении. Спокойное обсуждение дела повело к тому благоприятному исходу, который заключил переговоры Лондонской конференции. Заслугою Вашей в сем случае, имеющей для отечества значение историческое, — Вы ознаменовали блистательное продолжение всей предыдущей Вашей деятельности. Услуги, оказанные Вами престолу и отечеству во время польского мятежа 1863-го года, когда Вы с полным успехом противодействовали притязательным попыткам постороннего вмешательства во внутренние дела России, затем увеличенные ныне тем же успехом труды ваши по черноморскому вопросу оценены по достоинству общим признательным сочувствием всех ваших соотечественников, дорожащих честью и самостоятельностью русской земли.

Третий том

Во внимание к столь достохвальным Вашим заслугам, Я признал справедливым украсить носимое Вами и нисходящим Вашим потомством княжеское достоинство титулом светлости. Даруя Вам сие высочайшее отличие, Я желаю, чтобы это доказательство Моей признательности напоминало Вашему потомству о том непосредственном участии, которое с самого Вашего вступления в управление Министерством иностранных дел принимаемо было Вами в исполнение Моих мыслей и предначертаний, клонящихся непрестанно к обеспечению самостоятельности и упрочению славы России. С особою к Вам признательностью и благоговением — пребываю навсегда Вам благосклонный, искренне Вас любящий и благодарный Александр.

С.-Петербург, 18-го марта 1871-го года.

Я вчера был у Горчакова и поздравил его. Старик, кажется, очень доволен и успехом дипломатической атаки, и наградой, хотя и говорит, что *on a voulu dorer son cerceau**.

При самом начале его дипломатического похода, когда появилась его первая декларация, я не скрывал от него все мои сомнения и опасения. Ему даже кто-то сказал, что будто я театре сказал кому-то, что я его за эту штуку повесил <бы>. С тех пор Горчаков все шутя попрекал меня, что я приговорил его к смерти, я, тоже шутя, отвечал ему, что исполню свой приговор, ежели результатом Конференции и его выходки будет у нас война или какая-нибудь другая пакость. На что Горчаков однажды спросил меня, что же я ему дам, ежели, напротив, все дело обойдется благополучно и к пользе России, тогда я ему ответил, что дам ему сюрприз.

Теперь пришло время исполнить свое обещание, и я придумал поднести ему в шуточном виде адрес от общего нашего с ним предка — князя Михаила Черниговского. Я заказал профессору Шарлеману рисунок для этого адреса, соответствующий тексту. Рисунок очень удался. Текст следующий:

«Князь Александр Михайлович.

Достославный предок наш князь Михаил Черниговский, устами твоих сородичей, взывает к тебе, князь, и шлет тебе свое отчее целование. Подобно ему изрек ты в глаза врагам нашим слово правды, не убоясь ни страха, ни суда людского. Предтечей битвы Куликовской был Святой и Славный предок наш. Будь и ты, князь, Предтечей грядущего восхода зари правды на Востоке».

Адрес этот подписан мною и тремя моими сыновьями. Рисунок изображает герб князя Черниговского, который есть вместе с тем и герб Горчакова, засим по обеим сторонам герба представлена сцена мученической кончины князя Черниговского⁵² в орде у Батя, протест его и казнь. Начальная буква представляет князя Черниговского в иконописном изображении, засим сбоку сцена битвы Куликовской, а внизу представлено Черное море с восходящей зарею и с надписью «19-ый октябрь 1870 год», т. е. дня подписания декларации. На берегу представлена аллегорическая фигура Черного моря в виде женщины, перед которой стоит князь Горчаков в костюме византийского князя и снимает с нее цепи, у

* хотели позолотить его гроб

1871 год

ног его надорванный Парижский трактат. Под нашей подписью нарисована печать князей Оболенских. Весь рисунок окаймлен веревкой, в конце которой петля, напоминающая мое намерение его повесить. Весь текст писан славянским шрифтом. Весь этот рисунок удался как нельзя лучше. Шарлеман взял с меня за него 150 руб. В воскресенье утром я повезу адрес Горчакову, и со мной будут ассистентами мои три сына: Саша, Алеша и Котя. Надеюсь, что шутка удастся.

21-го марта. Сегодня я отдал Горчакову мой обещанный сюрприз — он очень ему понравился. Шутка удалась как нельзя лучше, дети были со мной. Я уверен, что со временем, когда в архиве Горчакова найдут этот рескрипт, то примут его за серьезную с моей стороны манифестацию.

В Париже началась и продолжается междоусобная резня, в которой я не сомневался, и, по всей вероятности, дело не обойдется без нового вмешательства Пруссии и занятия Парижа.

28-го марта. Сегодня праздник Светлого Воскресения, несмотря на раннее время года, праздник этот имеет вид весенний. У заутрени во дворце все происходило по обычаю, много очередных наград, в том числе и я получил Белого Орла, хотя эта очередная награда следовала мне еще 5 лет тому назад, но я до сих пор мог заменять ее денежной наградой — раз я получил аренду, а в другой раз подарок в 3000 рублей. В прошедшем же году опять приходилось мне Белого Орла, но я перед тем только что был назначен товарищем министра, а потому ничего не получил. В нынешнем же году Орла не миновал, хотя с радостью принял бы взамен его денежную награду. Новостей особенных нет. Во Франции междоусобия продолжаются с возрастающей силой. Не думаю, чтобы какой-либо порядок во Франции мог бы восстановиться без какого-либо внешнего вмешательства, и я думаю, не одни пруссаки вступят в дело, а соединенные силы всех европейских держав.

4-го мая. Весь прошлый месяц прошел бесследно для моего дневника. В общественной жизни у нас ничего особенно замечательного не случилось. В журналистике и в обществе очень много толковали и продолжают толковать об изменении уставов наших гимназий. Внесенный министром народного просвещения графом Толстым проект существенно изменяет всю систему общеобразовательного курса тем, что оставляет только за классическими гимназиями, с двумя классическими языками, значение гимназий с правом поступления из них в университет, ныне не существующие реальные гимназии с одним латинским языком вовсе упраздняются и заменяются реальными училищами, не дающими прав на поступление в университет.

Мнения по сему вопросу выражаются и в прессе, и в обществе с крайней раздражительностью. Я собственно проектов новых уставов не читал и суждения по тому вопросу не принимал. Но для меня очевидно, что большинство не на стороне исключительно классиков и что Министерство народного просвещения увлекается в крайность, которая не поведет к добру. Весьма вероятно, проект министерства, несмотря на сильную оппозицию, будет окончательно

принят государем, который смотрит на этот вопрос с точки зрения чисто полицейской. Ему внушили мысль, что классицизм представляет из себя охранительный элемент вообще, а в частности требование знаний двух древних языков для поступления в университет непременно будет иметь последствием ограничение числа лиц, поступающих в университет, что, по мнению многих консерваторов, очень желательно. Я уверен, что проект министерства осуществится, но ненадолго. На практике скоро обнаружатся все неудобства крайности, положенной в основание всей системы, по необходимости скоро будет сделана уступка, хотя бы в пользу гимназий с одним латинским языком, и тогда вся система будет нарушена.

К тому же я не верю, чтобы настоящий министр народного просвещения — граф Толстой — мог что-нибудь создать живучее. Это одна из таких ограниченных субъективных натур, которые не в состоянии ничего ни понять, ни произвести вне личного круга впечатлений и страстей. Я долго служил с Толстым в Морском министерстве и всегда удивлялся его способности много трудиться и работать непроизводительно. Все даже изданные им сочинения обличают усидчивость в труде, но полное отсутствие животворной мысли или убеждения. (Граф Алексей Толстой?)^в. Он не лишен способностей, недурно пишет, но чрезмерно личен, душонка очень маленькая, завистлив до болезненности — всегда чужим здоровьем болен. Он стал с некоторых пор учиться греческому языку и, как человек, склонный к сухому труду, находит в этом учении удовольствие. Я уверен, что это обстоятельство много содействует его упорству в защите своего проекта. Я вовсе не только не отвергаю пользы классического образования, но полагаю, что оно должно иметь преимущество перед реальным. Но есть бездна других соображений, которых нельзя не принять в расчет, когда дело идет о России, об образовании массы людей для всех потребностей государства, не только по специальностям, но и с общим образованием. Вообще как-то дико и как-то смешно даже отвлеченно и с такой крайностью относиться у нас к системе образования, когда факты так убедительно свидетельствуют, что не в образовательном, не в научном и умственном развитии ищет правительство мерило для оценки людей. Стоит только заглянуть в памятную книгу высших чинов империи, чтобы убедиться в бесспорном факте, невольно наводящем на размышление: из 12 министров наших — 8 военных. Из 61-го члена Государственного совета — 36 военных. Из губернаторов — две трети военных. Все генерал-губернаторы — военные. По роду оружия эти господа все более кавалеристы, по воспитанию по крайней мере все настоящие главные деятели рекомендуют Пажеский корпус⁵³ и Юнкерскую школу. И эти господа призваны теперь судить о преимуществе классического образования перед реальным... Что за вздор... Одно из двух: или преобладание военного элемента в нашей администрации имеет цель — тогда непонятны те реформы, которые призваны водворить в государстве законность и гражданственность, или это преобладание военного элемента на практике не ощущается, т. е. что все эти военные люди не вносят в администрацию никаких особенностей специальной их службы, тогда это

^в Так в тексте.

не делает чести нашей армии, которая так мало оставляет следа в мирозерцании своих генералов. Как бы то ни было, но задаваться вопросами об общественном образовании с отвлеченной точки зрения и создавать систему, исключительно преобладающую над всеми другими соображениями, по-моему, есть вред, одна надежда, что перемелется — все мука будет. К сожалению только, что вся эта ломка и неопределенность губит молодое поколение, над которым делают опыты.

15-го мая. Вчера я говорил в общем собрании Правительствующего Сената по делу, в сущности неважному, но которое имеет огромное значение как образец безобразий, с каждым днем увеличивающихся в отношениях наших по Остзейскому краю. Дело в том, что I-й департамент Сената в 1869-м году, по представлению Курляндского губернского правления, разъяснил значение одной статьи (1262) местных законов по вопросу о сроке предъявления прав на сервитуты казенных имений, предписав указом, что срок этот не может относиться к казенным имениям, для которых существует особое положение в Своде законов и для которых срок определен временем регулирования казенных имений. Рижский магистрат к мнению, которое было предъявлено им о сервитуте одного казенного имения, на предъявленный ему указ Сената положительно объявил, что решение Сената неправильно, противозаконно, а потому для магистрата необязательно. О таком дерзком ослушании Сената я во время управления министерством представил Сенату. В данном Сенату объяснении магистрат вновь повторил все доводы свои в опровержение правильности толкования Сената, объявив, что засим он не может изменить взгляда своего на силу значения ст. 1262, несмотря на указ Сената, статью ту разъясняющую. Первый департамент в моем присутствии в прошедшем году определил сделать магистрату выговор с опубликованием. Один только сенатор, а именно барон Врангель, который с цинизмом постоянно во всех делах заявляет себя защитником всех неправд Остзейского края, подал особое мнение, полагая возбудить законодательный вопрос. Засим по-настоящему дело это должно было кончиться, ибо во вновь изданном законе дела в Первом департаменте Сената решаются по большинству голосов, но Министерство юстиции потребовало к себе проект определений Сената, продержало почти год и только на днях министр юстиции дал предложение Сенату, в котором он самым невероятным и возмутительным образом оправдывает магистрат, попирая власть и достоинство Сената; разумеется, ни сенаторы I-го департамента, ни я с этим предложением не согласился, и дело перешло в первое Общее собрание, где я вчера и ораторствовал.

В составе Общего собрания 14 сенаторов-немцев, все они, как один человек, пристали к министру юстиции, а остальные 6 человек согласились с I-м департаментом, а 12 человек согласились с мнением, представленным сенатором Зарудным, хотя тоже близко подходящим к моему мнению, но не выражающим столь определенно право Сената требовать исполнения его указов.

Теперь дело это пойдет в Государственный совет, где, вероятно, будет слушаться осенью, и тогда вновь мне, вероятно, будет предстоять необходимость защищать достоинство и власть правительства против дерзких покушений ост-

зейских властей. Но и тут я почти уверен, что большинство не на стороне защитников права центрального правительства. Вообще, как это, так и многие дела свидетельствуют, что сила немецкой балтийской партии не только не ослабляется, но, напротив того, крепнет, ибо находит сильную опору здесь, и главное — в лице графа Шувалова. Я не могу себе объяснить циничное упорство этого господина всегда и везде открыто выдавать себя за адвоката всех неправд Балтийского края, как потребностью найти себе поддержку в сильной немецкой партии. Граф Шувалов чувствует, что в России не только в общем мнении, но и в мнении всех лиц царской фамилии и петербургского общества он не имеет сочувствия, поэтому, пользуясь слабостью государя к немцам, он знает, что, защищая при каждом случае балтийцев, он угождает царю и вместе с тем приобретает себе сильных друзей в немецком лагере. Никогда, может быть, немцы не были в такой силе, как теперь. Они хорошо понимают, что будущее царствование не будет им благоприятно, поэтому они стараются, не теряя времени, всеми силами онемечить эстов и латышей и приготовить к будущему элементы для серьезного сопротивления правительству к обрусению края. Так точно, как покойный государь Александр I создал во вред России Польшу, так точно Александр II по какому-то слепому влечению создает балтийский вопрос, с которым в недалеком будущем придется сильно бороться. Все попытки печати обнаруживать вредные замыслы остзейцев преследуются правительством, и даже все лица, по обязанности своей высказывающие мнения в защиту интересов России, заподозрены как вредные демагоги.

К числу лиц, наиболее отличающихся резкостью суждений своих по балтийскому вопросу, принадлежит министр государственных имуществ Зеленый; в качестве члена Остзейского комитета, также по поземельным делам Остзейского края ему часто приходится сильно бороться с интригами немецких баронов, а потому они против него очень озлоблены, и ежели <бы> не личное дружеское к нему расположение государя, то, конечно, его уже давно бы успели прогнать из министерства.

На сих днях, а именно недели три тому назад, был случай, ясно это доказывающий. После одного из докладов, когда Зеленый собирался уходить, государь остановил его и дружеским тоном начал его упрекать за то, что он позволяет себе не скрывать своего нерасположения к немцам, что он как министр должен быть так же беспристрастен, как беспристрастен государь к своим всем разноплеменным поданным. Зеленый, не ожидая подобного замечания и не зная причин, побудивших государя попрекать его, объяснил государю, что взгляд его на балтийский вопрос государю давно известен, что он несколько раз имел случай ему его высказать с полной откровенностью, так, в прошлом году даже решился упрекнуть государя в пристрастии к немецким баронам, и что мнение его не есть инстинктивная ненависть к племени, а основано на полном сознании всех вредных сторон нашей политики по отношению к Остзейскому краю, но что он не понимает, чем именно теперь могло быть вызвано замечание государя, так как он, Зеленый, почти нигде в обществе не бывает и у себя принимает только самых близких друзей, а потому и не имеет случая высказывать своего образа мыслей. На это государь ему ответил, что недавно давали Севасто-

польцы обед князю Васильчикову и что на этом обеде один из присутствующих укорял Пруссию за то, что она не так бескорыстно ведет войну, как Россия, а, напротив, разоряет контрибуциями своего противника. Зеленый заметил государю, что речь эта была сказана не им, что он не был призван ее цензуровать, а потому ни в каком случае за нее отвечать не может. На это государь сказал, что это, конечно, так, но что ему как министру неприлично было выслушивать подобные речи. В заключение самым дружественным тоном государь просил Зеленого быть осторожнее. Эта сцена очень озадачила Зеленого, и к следующему докладу он приготовил государю письмо, в котором просил его уволить от звания министра. Это письмо Зеленый взял с собой и, прежде чем начать доклад у государя, объяснил, что сделанное ему замечание в прошедший понедельник сильно его смутило, и так как он не находит возможным переменить свои убеждения, а с другой стороны, не может отвечать, чтобы и в другой раз не довели до сведения государя какие-либо обвинения, то он опасается, что в другой раз государь уже отнесется к нему не с дружеским упреком, а со справедливым негодованием, до чего он дожить не желает, а потому просит увольнения. Государь на это стал успокаивать Зеленого, уверяя, что ничего против него не имеет и что всегда и впредь не изменит своих замечаний, ежели бы представился случай их сделать. При этом государь решительно отказал отставку Зеленого и просил его об этом и не думать. Тем дело и кончилось. Но, конечно, Зеленый понял, что немцы направили на него все свои батареи, и ему не сдобровать, ежели представятся серьезные случаи столкновения. Мое положение еще опаснее: не имея в пользу свою особого личного расположения государя, я знаю, что со мной расправа будет еще легче. Не менее того, я решился по делу об ослушании Рижского магистрата говорить в Государственном совете так сильно, как я говорил в собрании Сената. В милости я никогда не буду, я это знаю.

19-го мая. Сегодня утром, в то время как я собирался выехать из дому, получил я от экзекутора министерства записку, уведомляющую меня, что сегодня ночью, в 2 часа, Александр Алексеевич Зеленый сильно заболел, и что, по всем признакам, его ударил паралич. Это известие меня сильно поразило, ибо еще накануне я с Зеленым занимался, и он не жаловался на здоровье.

Сейчас же я поехал на квартиру министра и застал его лежащим в постели в полном сознании, но с явными признаками паралича. Язык совершенно свободен, и он весьма ясно и отчетливо рассказал мне, что накануне вечером, перед тем, чтобы ложиться спать, он почувствовал головную боль и онемение руки, стал ходить по комнате и потом лег спать, но, чувствуя себя дурно, встал, пошел в другую комнату, взял склянку с одеколоном, вылил ее себе на голову и опять лег, но потом опять почувствовал, что ему дурно, решился позвонить человека, и когда он вошел, то застал его уже без языка. Прибывший немедленно доктор стал прикладывать к голове его холодные компрессы, и владение языком мало-помалу возвратилось, но глотать он ничего не может. Я сейчас увидал, что положение Зеленого весьма опасное, и что во всяком случае — он человек, для службы и дела конченный. Он должен был сегодня рано утром ехать с докладом к государю в Петергоф, туда послана была депеша с извещением о

болезни. Я дал сейчас знать военному министру Милютину, как человеку, дружески расположенному к Зеленому, о случившемся несчастье, и я, по совету его, отправился на станцию Петергофской ж<елезной>д<ороги>, чтобы застать государя при его возвращении из Петергофа и его переезде в Царское Село. Несмотря на проливной дождь, мне действительно удалось подойти к вагону государя, который с одного пути переходил на другой, и передать ему некоторые подробности о состоянии Зеленого. При этом я просил государя назначить мне день для доклада тех бумаг, которые Зеленый должен был ему доложить. Государь назначил мне приехать для этого в субботу, 22-го, в Царское Село.

Совершенно неожиданно вступаю я опять в управление министерством. Все предположения мои рушатся. Я надеялся, что Зеленый окончит дела по земельному устройству крестьян, а я пока займусь проектом преобразования министерства⁵⁴, и тогда, ежели прежде этого не сломаю себе шею, то буду министром. Теперь все переменяется — останусь ли я управлять министерством, ежели, сохрани Бог, Зеленый умрет, или нет — мне неизвестно, я имею много шансов, но теперь мои противники в такой силе и действия их так бесперомонны, что уверенности остаться в министерстве я не имею. По чистой совести говоря, я не горю желанием сохранить за собой министерский портфель. Я настолько уже наслаждался всеми благами этого положения, что отношусь к ним равнодушно. Буду ждать, что Бог даст. Но теперь меня более всего огорчает положение бедного Зеленого. Он еще человек не старый, всего ему 52 года, и его влияние на государя, хотя за последнее время ослабевшее, было самое прекрасное. Государь его искренне любил и уважал как правдивого и честного человека. Зеленый мог говорить с ним и нередко говорил явно в противоречие его вкусам и инстинктам. Но государь считал его человеком недалеким и потому не стеснялся его мнением, хотя всегда его выслушивал. Такого влияния, как Зеленый, я никогда иметь не буду. Русский элемент в правительстве понесет в лице Зеленого невознаградимую потерю.

21-го мая. Положение Зеленого не улучшается, он не может ничего глотать, и ежели этот признак паралича не улучшится, то положение может сделаться весьма опасным. Сегодня государь был у Зеленого, я его там встретил; спросив, готовы ли у меня бумаги для доклада, он приказал мне вместо завтрашнего дня приехать к нему сегодня с докладом в Зимний дворец. Я только захал домой, чтобы взять бумаги, и засим немедленно отправился во дворец. При докладе государь выражал неподдельное чувство сожаления о Зеленом, приказал мне ежедневно доносить ему о состоянии здоровья и телеграфировать ему также ежедневно за границу, куда он отправляется на воды — в Эмс — во вторник. В заключение государь приказал вступить в управление министерством и вообще относиться ко мне так, что я не могу иметь ни малейшего повода предполагать, чтобы он имел в виду какое-либо другое лицо на министерское место.

24-го мая. Здоровье Зеленого плохо поправляется, хотя ему несколько лучше, но глотание все еще затруднено и признаки паралича не ослабевают. Государь завтра едет в Берлин, а оттуда в Эмс. Граф Александр Адлерберг в первый

раз его не сопровождает, по болезни, Шувалов, следовательно, будет один, да еще граф Борис Перовский назначен заведовать походной Канцелярией.

Эти непрерывные поездки государя, императрицы и всей царской фамилии начинают, кажется, сильно надоедать даже берлинским властям. Из Эмса государь и императрица поедут в Вюртемберг, чтобы праздновать серебряную свадьбу королевы Ольги Николаевны. С отъездом государя и всех почти властей все дела здесь, разумеется, останавливаются на весь летний сезон. Сегодня было последнее заседание Государственного совета, на нем читался проект преобразования гимназий. Большинство членов Совета, в числе 29-ти, против проекта исключительного классического образования, но в меньшинстве 19-ти человек находятся такие лица, по которым можно наверное сказать, что государь утвердит мнение меньшинства.

Мне достоверно известно, что клика Шувалова и К^о будет сильно работать против моей кандидатуры на сохранение министерского портфеля. Ежели Зеленый умрет или захочет отказаться от звания министра прежде возвращения государя, то я почти уверен, что министром назначен будет кто-нибудь из клики Шувалова. Со своей стороны, я не могу и не хочу ничего делать, чтобы противодействовать своим недоброжелателям, а потому буду спокойно ждать моей участи.

На днях последовало странное, никем не ожидаемое назначение, также весьма ловко и проворно совершенное в кабинете Шувалова. Граф Владимир Бобринский, министр путей сообщений, не чувствуя себя в силах продолжать быть министром, выпросил себе в товарищи двоюродного брата своего флигель-адъютанта графа Алексея Павловича Бобринского. По отзыву всех близко знающих этого господина, он совершенно полоумный человек, но не лишенный энергии, хитрости и коварства. Говорят, что двоюродный братец перешеголял своего cousin* эксцентричными выходками и проектами. Все это делается как-то семейно и без всякого соображения с приличиями и общественным мнением. Еще не прошло 4-х месяцев, как Владимир Бобринский выпросил у государя, помимо Государственного совета, утверждение задуманного преобразования всего своего министерства, при котором не полагалось товарища, а все министерство разделялось на 2 главных управления, — теперь будет вдруг назначаться товарищ. Все это представляется какой-то детской игрой.

28-го июня. Вот уже более недели, что я живу один. Жена уехала в деревню с детьми, и город совсем опустел. Мне же отлучиться, даже на короткое время, нет возможности, потому что здоровье Зеленого все еще плохо, да и вряд ли оно значительно поправится. Государь еще за границей, наследник уехал в Гапсаль⁵⁵, в делах совершенный застой. О том, что делается в Эмсе, нам совершенно неизвестно. Вчера получил депешу от императрицы из Петерстале. Она спрашивает о здоровье Зеленого и графини Протасовой. Государь тоже теперь должен быть в Петерстале, а оттуда вся семья отправляется в Фридрихсгафен к королеве Ольге Николаевне. Германский император не приехал на свидание с

* кузена

государем в Эмс под предлогом болезни. Ежели нет прежней политической причины подобного воздержания, то, вероятно, германскому императору скучно каждый год и по несколько раз в год принимать незваных гостей. Действительно, каждое лето вся царская фамилия гуляет по всей Европе, и каждый день читаем в газетах, что где-нибудь принимают или провожают какого-нибудь великого князя или великую княгиню. Что эти все путешествия стоят денег — это невообразимо. Насчет этого предмета заметна в государе с некоторых пор значительная перемена, вполне объяснимая влиянием окружающих его господ. С небывалым до сих пор цинизмом тратятся казенные деньги, без всякого законного основания, для удовлетворения личных интересов.

Примером вопиющего злоупотребления власти в этом отношении служит дело флигель-адъютанта князя Витгенштейна, недавно окончательно решенное государем. Этот Витгенштейн имеет огромные поместья в Северо-Западном крае. Сперва отец его, а потом он сам, живя постоянно за границей, наделал пропасть долгов, так что одного казенного долга Опекунскому совету насчитывалось до 180 тыс. рублей на душу, тогда как Опекунский совет, по правилам, не имеет права давать более 60-ти тыс. рублей на душу, но все эти надбавочные ссуды выдавались Витгенштейну по особым высочайшим повелениям, и 7 раз недоимки причислялись к капитальному долгу. Подобной льготой никто никогда не пользовался. Когда приступили в Северо-Западном крае к составлению установленных грамот, а потом к исправлению их поверочными комиссиями, то имения Витгенштейна подверглись всем тем же операциям, как и все другие имения, принадлежащие всем русским в том крае, с той только разницей, что покупные сделки в имениях князя Витгенштейна по большей части сделаны были по добровольному согласию, а потому более выгодно, чем для большинства других помещиков. Не менее того, когда приступили к выкупу, то оказалось, что за обращение всей выкупной ссуды в удовлетворение Опекунского совета еще не хватает около 3-х миллионов руб. для окончательного погашения казенного долга, это доказывает, как велика была сумма, обременявшая имение. Ежели бы долг этот был нормальный, т. е. не превышающий 60 тыс. рублей на душу, то тогда бы, за обращением части откупной ссуды на удовлетворение долга Опекунскому совету, у Витгенштейна оставалось бы свободного капитала до 800 тыс. рублей. Следовательно, решительно никто не виноват в том, что, когда пришла минута ликвидировать долги Витгенштейна, оказалось, что он разорен. Не менее того, во время пребывания в прошлом году государя в Эмсе через, кажется, Шувалова и Адлерберга, Витгенштейн обратился к государю с просьбой сложить с него казенный долг, оставшийся за обращением в уплату выкупных ссуд, т. е. до 3-х миллион<ов> рублей. В доказательство, что, будто бы, он разорен вследствие притеснительных действий бывших поверочных комиссий, он представил ходатайство генерала Потапова, который, по приказанию своих патронов, доказывал действительно, будто бы Витгенштейн разорен крестьянской реформой. Государь, не говоря худого слова, приказал сложить с Витгенштейна долг Опекунского совета, и высочайшее повеление было сообщено министерству финансов из Эмса. Получив такое повеление, Рейтерн остановился приведением его в исполнение и, дождавшись возвращения госуда-

ря, при личном докладе объяснил ему, что слагать долг Опекунского совета нельзя, ибо это деньги не казенные, а деньги вкладчиков, которые прежде раздавались Опекунским советом в ссуду под залог недвижимых имуществ, а потому просто сложить долг нельзя, а нужно, чтобы кто-нибудь заплатил, и ежели государю не угодно, чтобы имение, обеспечивающее этот долг, было пущено в продажу, то должна заплатить казна, т. е. Государственное казначейство, но что в распоряжении министра финансов нет свободных сумм. Независимо от сего Рейтерн доложил государю, что Витгенштейн не только не имеет никакого права на подобное вознаграждение, но что все другие помещики Северо-Западного края понесли значительно более значительные убытки, а потому пример Витгенштейна может вызвать справедливые просьбы всех других помещиков. Государь, уважив соображения министра, согласился приказать рассмотреть это дело в Главном комитете. Такое решение сильно не понравилось ни Витгенштейну, ни его покровителям. Они поняли, что в Главном комитете все единогласно будут против них. Сам Витгенштейн, будучи нашим военным агентом в Париже, выехал из осажденного города и поспешил приехать в Петербург. Здесь скоро удалось ему, опять-таки через Шувалова и Адлерберга, вымолить высочайшее повеление, по которому его дело взято было из Главного комитета и для обсуждения его составлена особая комиссия, под председательством графа Адлерберга, из графа Шувалова, Тимашева, Рейтерна и Потапова. Таким образом, образовались комиссия специально из 4-х друзей, в которую министр финансов был приглашен по необходимости, скорее как ответчик, чем как член. О назначении такой странной комиссии для частного дела в обществе говорили, удивлялись, но скоро перестали говорить и удивляться. Журналы не смели сказать слова; министр финансов, со своей стороны, приготовил подробное и обстоятельное мнение, доказывающее отсутствие всяких прав не только на вознаграждение, но и на милость, ибо жертвовать 3 милл<иона> казенных денег правительство решительно не в состоянии. Дело это тянули до самого отъезда государя за границу, надеясь, вероятно, опять в Эмсе вырвать, под влиянием разных немецких родственников Витгенштейна, высочайшее повеление. Но так как незадолго до отъезда государя решено было, что Адлерберг, по болезни, не будет сопутствовать государю, то и решили дело, без всяких дальнейших обиняков, покончить здесь. Почти накануне отъезда государя министр финансов Рейтерн получил от Адлерберга записочку, в которой он пишет ему, что так как он не успел составить журнала их заседаний по делу Витгенштейна, то он намерен доложить это дело на словах, а потому просит Рейтерна прочесть его мнение. Рейтерн послал, и на другой день получил уведомление, что государь император, согласно большинству комиссии, приказал заплатить из Государственного казначейства долг Витгенштейна Опекунскому совету в 3 милл<иона> рублей на счет остатков от выкупной операции. Итак, одним почерком пера, без всякого основания и уважения, государство платит частный долг в 3 миллиона рублей, и из каких денег?.. Из денег, которые предназначались министром финансов на помощь Смоленской и некоторым другим губерниям, которые, вследствие разных случайностей и разных обстоятельств, обременены недоимками

и где крестьяне сильно разорены. Кто же такой, наконец, сам этот князь Витгенштейн, для спасения которого от разорения Россия приносит такую жертву?.. Молодой юноша, красивый собою, служивший прежде в конной гвардии, а теперь военным агентом в Париже, решительно никогда ничего не делавший, вечно гуляющий по всяким увеселительным местам и видам Европы с толпою разных француженок, на которых тратил огромные деньги. Кто же эти покровители подобного господина, которые подводят государя на подобные вопиющие несправедливости и траты?.. Это те самые господа, которые выдают себя за охранителей самодержавной власти и блюстителей доброго имени и чести правительства. Это те же господа, которые ругают французскую Коммуну за ее самовластие и расхищение казны. Ничто так не позорит власть, как подобные пристрастные действия в пользу лиц, не заслуживающих подобных милостей.

Также немало говорят о разных концессиях на устройство железных дорог, которые даются по особым приказаниям государя, помимо лиц, представивших наиболее выгодные условия.

Так, какому-то господину Ефимовичу, которому, говорят, покровительствует княжна Долгорукая⁵⁶ и в котором принимает денежное участие принц Гессенский, отдают, говорят, севастопольскую дорогу за цену в несколько миллионов выше, против других предложений. Говорят, граф Бобринский, министр путей сообщений, по этому случаю подает в отставку. Хотя это не потеря, но тем не менее скандал этот усиливается. Все подобные действия не остаются в тайне, а напротив, быстро распространяются, даже в преувеличенном виде. Досадно на все это смотреть; до сих пор, по крайней мере, высшее правительство не было заподозрено в корыстолюбии, а теперь начинает распространяться внутри России мнение, что через посредство известных лиц с деньгами все можно сделать. Воображаю, какое впечатление произведет на русских помещиков Северо-Западного края, действительно много потерявших при крестьянской реформе, известие о таком щедром вознаграждении Витгенштейна только потому, что он наделал долгов более, чем на 3 миллиона рублей серебром.

На днях, говорят, явится сюда депутация от общего собрания Евангелического союза, состоящая из представителей Франции, Швейцарии, Германии и Америки, чтобы вновь просить государя коллективным образом не преследовать протестантов в Балтийском крае. Вот до чего мы дожили. Враги наши так же точно, как и прежде, разными клеветами, выдумками и ложью в защиту Польши возбудили против нас весь мир; теперь, теми же орудиями, возмущают против нас Балтийский край. По всему свету систематическая против нас пропаганда рассылает массу печатных пасквилей и ложных обвинений, а мы не только молчали, но и запрещали в русских газетах говорить что-либо о Балтийском крае, и единственный человек — Юрий Самарин, который печатает за границей опровержения на все клеветы западных и остзейских публицистов, его преследуют как вредного человека, и сочинения его так строго запрещены в России, что ни один министр не может получить недавно его новую, вышедшую в Берлине брошюру о православии в Остзейском крае. Уже в прошедшем году подобная депутация, более скромных размеров, являлась государю в Штутгарт. Государь сперва не хотел ее принять, но потом, по настоянию графа Шува-

лова, принял. По словам «Hamburgischer Correspondent» 1-го июля 1870-го года, представление этой депутации государю происходило следующим образом:

«Вчера депутация удостоилась самого благосклонного приема у государя в королевской вилле Берс, близ Штутгарта. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Для верного уразумения дела, так как император во время своего пребывания на день не хотел принимать даже дипломатического корпуса, г. пастор Монис держал речь: он обратился к императору с трогательным воззванием, передал ему, что Пасторское собрание⁵⁷ союза возьмет крепко в свои руки дело лифляндских латышей и эстов, притесняемых за их веру, и в заключение подал его величеству адрес, который государь удостоил принять от него собственноручно. Затем государь выразил депутации свою добрую волю, сказав, что тем лифляндским латышам и эстам, которые желают перейти из греко-русской государственной церкви обратно в протестантскую, не ставят никаких в том препятствий, но что закон воспрещает обратный переход и что он, государь, не может изменить закона, приемы и способы, какими в былые времена произведены были обращения. На этом император дружески подал руку 4-м членам депутации и тотчас же их отпустил».

В какой степени слова государя переданы верно корреспондентом — мне неизвестно, но не подлежит сомнению то, что ответ государя был в том тоне и смысле, как приведено выше. Замечательно, что я в первый раз узнал об этой депутации от императрицы, у которой я, в отсутствие государя, обедал раз в Царском Селе. Она только что в этот день получила от государя письмо, в котором он ей писал о том, что ему представлялась эта депутация.

Императрица рассказывала это за обедом, я сидел возле нее и решился спросить: «Si ce n'est pas indiscret, Madame, qu'a répondu l'Empereur?»*. На это она мне ответила: «Il ne me le dit pas. Il dit seulement — que tu comprend que ma réponse n'était pas difficile»**.

Впоследствии я узнал от Тимашева, которому рассказывал сам государь, что он действительно сперва не хотел вовсе принимать депутацию, но что его уговорил Шувалов и что ответ государя был уклончивый и нерешительный. Понятно после этого, что агитация не только не уменьшилась, а, напротив, усилилась. Любопытно будет знать, как примет государь эту новую депутацию. По всей вероятности, она постарается опять его поймать где-нибудь за границей. Неужели суждено всей этой лжи торжествовать?.. Ежели бы депутаты приехали сюда, то можно было бы добросовестных из них уговорить съездить самим посмотреть в Балтийском крае — кто кого угнетает... Можно бы было разыграть перед ними всю картину безобразной лжи, которою они обольщены, и показать, как они, сами того не подозревая, служат орудием партии, совершенно враждебной тем либеральным принципам, которым они служат.

Нет, видно, судьбе угодно, чтобы Александр II создал бы во вред России балтийский вопрос так же бессознательно, как Александр I создал вопрос

* Если это не секрет, Ваше Величество, что ответил император?

** Он мне этого не говорил. Он сказал только — ты понимаешь, что ответить было нетрудно.

польский. Мы, современники, без особого внимания следящие за ходом совершающихся событий, не можем не видеть ясно и даже почти осязательно, как всегда искусно и однообразно подготавливает наше Провидение материал для будущих бедствий. В балтийском вопросе совершенно так же, как в польском, Провидение дает силу и власть всякой лжи накопляться, накопляться, омрачать рассудок и взгляд людей, и потом разом грянет гром, и вся ложь выступит наружу, и все люди станут удивляться, как могли они быть так обмануты и как могли они так безрассудно действовать. Желал бы я ошибиться, но мне представляется несомненным, что России придется выдержать страшные испытания за слепоту современных ее политических деятелей.

19-го июля. Завтра ожидается возвращение государя и императрицы прямо в Петергоф. На другой же день начинаются разные смотры и маневры в лагере, и нам трудно будет уловить минуту для доклада. Предчувствие мое оправдалось. Депутация протестантов с адресами в пользу латышей и эстов, о которой я уже говорил, не доехала до России, а надеялась поймать государя в Фридрихсгафене. Я уверен, что королева Ольга ежели не прямо содействовала, то по крайней мере не препятствовала этой манифестации, ибо в прошлом году депутация являлась государю в Штутгарте. В нынешнем же году в Фридрихсгафене был съезд всей семьи на семейный праздник серебряной свадьбы, и, вероятно, это обстоятельство тоже было принято в расчет, чтобы смутить сердце царево. О том, что эта депутация являлась, читаем мы сегодня в газетах следующее:

«Уже давно немецкие газеты сообщали, что во время пребывания Его Императорского Величества в Фридрихсгафене ему желала представиться депутация от Евангелического союза с целью ходатайствовать о разрешении протестантам Прибалтийских губерний, перешедших в греко-российскую веру, снова обратиться в протестантскую. Депутации не удалось, однако, достигнуть своей цели по причинам, изложенным в следующем письме цюрихского корреспондента “Кельнской газеты”. Вчера, пишет означенный корреспондент от 22-го июля, я разговаривал в гостинице Бауера с несколькими лицами, принадлежавшими к депутации, которая явилась 14-го июля к князю Горчакову. Вот что я узнал от них: депутация состояла из 37-ми членов, в числе которых 10 было из Англии, 8 — из Северной Америки, 5 — из Швейцарии, 4 — из Швеции, 2 — из Голландии, по 1-му из Бельгии, Дании и Венгрии и 4 — из Германии, а именно: Тишендорф, доктор Зивикинг, барон Гелерт и граф Реке-Фольмерштейн. Император, предупрежденный о прибытии депутации, поручил принять ее князю Горчакову, вследствие чего депутация и представлялась государственному канцлеру. Все очевидцы согласно показывают, что он выслушал с невозмутимым терпением несколько длинные речи депутатов, в которых они выражали доверие, внушаемое им благородным характером Е<го> В<еличества> императора, и уверяли, что поступок их чужд всякого политического характера и что единственно человеколюбие побуждает их просить о дозволении эстам и латышам, перешедшим в греко-российскую веру, снова присоединиться к евангелической церкви. В заключение ораторы-депутаты просили аудиенции у Е<го> В<еличества> императора, чтобы иметь случай вручить ему адреса от своих доверителей. Адресов было 3 — от Американского Еван-

гелического союза, от Общеввропейского союза (этот адрес составлен в Лондоне) и от квакеров. Князь Горчаков ответил депутатам в самых благосклонных выражениях, что принципы религиозной терпимости обеспечиваются как личными воззрениями государя императора, так и русским законодательством и русскими обычаями, в чем может убедиться всякий, побывав в столице и в провинциальных городах России, где не только люди всех христианских вероисповеданий, но даже евреи и магометане имеют свои храмы и пользуются покровительством законов. Гуманный образ мыслей императора (в котором так твердо убеждены податели адреса), прибавил канцлер, служит единственной гарантией в исполнении их желания, которую он может предложить им. Что же касается желаемой аудиенции, то канцлер не взялся ходатайствовать о ней, так как в данном случае дело идет об изменении государственного закона, причем нельзя допустить никакого чужеземного вмешательства. Прием же депутации от стольких национальностей имел бы, во всяком случае, вид подобного вмешательства во внутренние дела России. Как ни огорчила депутатов невозможность быть представленными императору, однако доводы князя Горчакова, по-видимому, убедили их, и они изъявили свое сожаление в самых почтительных выражениях.

Оратор американской депутации просил при этом Горчакова принять адрес и изложить его содержание Его Императорскому Величеству. Князь Горчаков, будучи уже знакомым с содержанием этого адреса, касавшегося в самых умеренных выражениях одних теоретических вопросов, не считал нужным отказать в этом. По примеру американской и женеvская <депутация> просила принять ее адрес, который она называла «общеввропейским» на основании того, что под сим подписалось множество лиц. Но прежде чем принять этот адрес, канцлер пожелал ознакомиться с его содержанием. Пробежав его тут же, он объявил депутатам, что заключающиеся в нем описания религиозных гонений, будто бы претерпеваемых эстами и латышами, основано на неверных сведениях и имеет вид обвинительного акта. Вследствие этого канцлер отказался принять швейцарский адрес и предложил депутатам передать только один американский. Посоветовавшись между собой, депутаты пришли к заключению, что подобное предпочтение принесло бы ущерб достоинству коллективной депутации и потому решили не подавать ни одного из трех адресов. Они попросили канцлера от себя лично изложить им письменно свой ответ, но князь Горчаков отказался, говоря, что он был всегда врагом лишнего писания и что письменное повторение сказанного было бы нужно лишь в том случае, если бы слова его не были поняты, так как это действительно было возможно, потому что князь Горчаков, отвечая депутатам различных национальностей, объяснялся по-французски, по-английски и по-немецки, то он вызвался повторить сказанное. Но депутаты объявили, что они хорошо поняли его, и канцлер отпустил их со следующими словами, которые я выписываю из памятной книжки одного из депутатов: “Alors il dependra de vous de faire à vos commettants le récit de notre entretien”»*.

Остается узнать, в каком виде они передадут его. Но надо полагать, что в главных чертах он не будет разниться с тем, который я здесь привел, так как он записан со слов моих очевидцев, вполне согласных в своих показаниях.

Уже из этого краткого известия видно, что князь Горчаков спасовал. Но я убежден, зная его легкомыслие и малое знакомство с вопросами внутренней

* От вас зависит передать вашим доверителям рассказ о нашем разговоре.

политики, и в особенности с вопросами окраин, что он наговорил депутации всякого вздора, оставя на них впечатление человека, сознательно защищающего une mauvaise cause*. Вероятно, немецкая интрига на этом не остановится и пойдет дальше. Этого следовало бы желать, авось они сами помогут нам раскрыть глаза.

Вот уже 3 недели, как продолжается в здешней судебной палате политический процесс по заговору, или, лучше сказать, по тайному обществу, устроенному Нечаевым. Так как в этом несчастном деле замешано очень много молодых людей, слушателей нашей московской Земледельческой академии и здешнего Земледельческого института, то я довольно исправно посещал судебные заседания⁵⁸. Теперь уже первая категория подсудимых приговорена, главные участники в убийстве студента Иванова приговорены к каторжной работе. Участники же в тайном обществе по первой категории или подвергнуты легким наказаниям, или вовсе оправданы. В последнем отчасти виноват прокурор, неправильно определивший характер преступления. Как бы то ни было — это первое дело, производящееся у нас при открытых дверях.

Вообще, и подсудимые, и защитники, вели себя прилично. Сами формы процесса во многих подробностях стеснительны по тонкостям, которые введены в наши судебные уставы и против которых я в свое время сильно работал. Публика очень довольна гласностью этого процесса, и я уверен, что описание всех подробностей этого несчастного дела много принесет пользы и по крайней мере даст мало-мальски развитой молодежи увидеть всю бездну всякого безобразия, в которую влекут ее всякие мерзавцы с помощью лжи, обмана и даже убийства. Престиж таинственности, которым до сих пор прикрывались наши революционные затеи и который возбуждает сочувствие и в тех слоях общества, которые никак бы не сочувствовали бы самому учению, ежели бы знали, в чем оно заключается и кем проповедуется, весь этот престиж исчезает. И ежели правительство успело воспользоваться общим впечатлением негодования, произведенного этим процессом, то много бы можно было сделать хорошего. Но, к сожалению, далеко не все так смотрят на пользу публичности, данной этому процессу, упуская из виду общее, привязываются к частностям, к какому-нибудь смелому слову подсудимого или защитника, и, раздувая это слово, доказывают, что подобные речи могут произвести революцию. Я уверен, что в этом настроении передадут и государю о результате публичного суда. Вместе с тем закрыть суд не решатся, а будет это иметь последствием одно только пустое и бессмысленное раздражение. При всем этом процесс Нечаева наводит на самые грустные размышления. Он обличает в массе молодого поколения теперь такое отсутствие трезвых духовных сил и так мало положительных знаний и определенных понятий, что невольно становится страшно за целое поколение юношей.

К сожалению, правительство смотрит на все это только с точки зрения полицейской — оно просто испугано революционными тенденциями общества, видит в этом растление юношей, опасность <для> власти в государстве вообще, и под впечатлением этого страха собирает целый арсенал всякого рода оружия, дабы

* скверное дело

ставить материальные преграды революции, будто бы не встречающей никакого сопротивления в России, но, напротив, сочувствие. На этом пути правительство вынуждено не только остановиться во всех своих дальнейших преобразованиях, но даже явно противодействовать уже и тем реформам, которые осуществились и которые требуют правильного развития стараниями и силами самого правительства. Никак не могут наши государственные деятели настолько проникнуться и убедиться в силе и могуществе власти и охранительного начала в России, чтобы смотреть на эти неприятные явления безумных и преступных стремлений молодежи и даже известной части умственного пролетариата как на зло, конечно, непереносимое, требующее внимания и даже правительственных мер, но не как на преобладающий и губительный для всего государства элемент, против которого должны быть принимаемы меры даже в ущерб благоустройству всего государства. С одной стороны — крайность подобного воззрения, а с другой стороны — шаткость в принятии самих мер противодействия очень много способствуют усилению революционной партии. Правительство боится даже громко, твердо и ясно сказать слово осуждения этой партии, потому что думает, что никто его не поддержит. Образ французской Коммуны⁵⁹ окончательно отуманил взор наших высших сфер. Правительство наше никак не рассчитывает, чтобы оно нашло в России более противодействия силам социальной революции, чем французское правительство нашло его в Париже. И в этом, как по всем почти вопросам, общественное мнение смотрит на дело шире, спокойнее, основательнее, чем правительственные лица, стоящие во главе полиции и администрации. Во всех газетах без исключения передовые статьи по поводу процесса Нечаева строго карают безумное движение, влекущее молодежь на гибель и не имеющее в России никакого сочувственного отголоска. Всем этим благонамеренным заявлениям гг. Тимашев, Шувалов, Левашов, Урусов и вся эта компания не только не верит, но даже утверждают, что это журналисты нарочно пишут, чтобы усыпить недремлющее око III Отделения и проч. Так, эти господа, не давая себе отчета, внутренне сознают, что в их руках власть не может внушать ни доверия, ни сочувствия.

Есть одно только явление, которое, по моим понятиям, заслуживает внимания, и то не потому, что я видел в этом явлении какую-нибудь государственную опасность, а меня сокрушает в этом явлении то растлевающее действие, которое производит социальное учение на нашу учащуюся молодежь, и оставляющее на многих из них печать озлобления против всего общества и жизни вообще. Всегда и во все времена молодые люди были склонны увлекаться порывами и идеями общей пользы. Благо народное, осуществление идеи правды на земле — все это во все времена возбуждало юношей к восторженным речам, сходкам и даже тайным собраниям для составления проектов мечтательных улучшений. В моих понятиях, молодой человек, который никогда не увлекался подобными благородными движениями, гроша не стоит. Собираться вместе молодым людям для обмена мыслей, впечатлений по предметам общего интереса так в натуре человека, что даже те из молодых людей, которые подобны гг. Шуваловым, Левашовым, Бобринским, Тимашевым и всем другим представителям нашего современного консерватизма в правительстве — даже эти люди, когда были юношами, постоянно собирались на сходки, но так

как вопросы общеизвестные и политические их не занимали и о них они не имели никакого понятия, то интерес их сосредоточивался на балете, и тут, в качестве театралов, у них были свои нужды, свои масонские знаки, своя солидарность и своего рода отвага для борьбы с театральной дирекцией в пользу той или другой балетнички. Конечно, граф Шувалов теперь был бы очень удивлен, что, в сущности, между ним и Нечаевым по отношению организации кружка — есть только разница в предметах ведения, а не в роли организатора.

В наше время та молодежь, к которой я принадлежал и которая по выходе из училища все молодые свои и свежие силы употребила на служебном поприще, мы, хотя уже и на школьной скамье были приготовлены встретить в жизни и на службе неправду во всех ее проявлениях, не менее того, мы были возмущены состоянием правительства и общества в то время. Мы часто собирались без определенной организации, но всегда, собравшись несколько человек вместе, все наши помыслы, все наши желания обращены были к одной цели — к благу народному, мы искали не только каждый в своей сфере деятельность, действовать по возможности согласно с нашими убеждениями, противоречившими и порядку, и понятиям тогдашнего служебного мира и общества, но каждый из нас придумывал, что бы такое можно сделать для замены прежнего порядка — лучшим. К счастью, все возбуждаемые нами вопросы находили возможность разрешения в известных, определительных формах. Мы мечтали об освобождении крестьян, мы мечтали о лучшем устройстве судов, о возможности более гласного обсуждения общественных вопросов. Мы этими предметами занимались, изучали их исторически и практически. Нас называли красными, республиканцами, социалистами — черт знает чем... Правда, это было нам досадно, но мы твердо верили, что время наше придет, что для этого не нужно разрушать общество до его основания и ожидать в будущем, что из этого выйдет. И вот наступило время, где мечты наши осуществились. Нужно было России пройти через испытание Крымской войны, чтобы стряхнуть сон и взять из выработанного новым поколением людей то, что пригодно для блага государства. Нас по-прежнему продолжали, да и до сих пор продолжают называть красными, но не менее того, Россия в 10 лет преобразовалась, и что бы ни случилось, та эпоха, в которую мы жили и действовали, будет славная эпоха для России. Но не без борьбы далась нам эта победа. Реакция взяла свое, наступило время не то возвращения к старому, не то стремления к чему-нибудь еще новому, так сказать, одно только бесплодное и платоническое сожаление о старом. Между тем все вопросы, даже еще нерешенные, все подняты, стоят на очереди. Что делать новому молодому поколению?.. Старого порядка вещей оно не знало и вообразить себе его не может. Не имея точки сравнения, оно тяготеет теми стеснениями, которые положены свободе у нас, на слово веря пустым либеральным фразам иностранной и нашей журналистики, им кажется настоящий режим последним выражением деспотизма и произвола. Сочувствие к благу народному, ежели теперь не живее в молодом поколении, то, по крайней мере, оно больше раздражается разными приправами в социальной литературе. Из блага народного оно превратилось в благо человечества. Хотелось бы современному юноше тоже что-нибудь делать, на чем-нибудь сосредоточить свои помыслы и задаться какой-нибудь задачей для разрешения ее. Оказывается,

таких начатых вопросов, какие были в наше время, уже нет. Много и очень много еще предстоит сделать, и даже много таких начатых вопросов стоит на очереди, но чтобы их понять и усвоить их значение, нужно время, знание и спокойствие, а этого в юношах нет. Что же делать. Натура, однако, требует своего. Вот тут-то и является учение, которое говорит: человечество страдает, вы ему сочувствуете, надо ему помочь, как это сделать, этого теперь никто не знает. Верно только одно, что пока сохранится нынешней строй общественной жизни, никакого благополучия ожидать нельзя. Поэтому задача нашего поколения есть истребление всего существующего, мы суть жертвы, потомство оценит ваше благородное самоотвержение. Для того учиться нет особой надобности, все это пойдет к черту, когда время придет. Засим открывается картина будущего благоденствия человечества, и поэтическое чувство молодого человека разыгрывается под обманчивой формой материального учения.

Вот тут способность славянской расы ставить нас в особенно невыгодные условия. В то время, когда немец необыкновенно искусно и независимо для самого себя совмещает в своей личности совершенно отрешенные друг от друга элементы — один из них царствует в сфере мышления, а другой в сфере действия — славянского племени юноша, и в особенности русский, по свойственной ему добросовестности, не может таить в душе и уме свои убеждения и не выражать их в действии. Нигилист-немец может быть прекрасным отцом семейства, спокойным гражданином и собственником. Добросовестный нигилист русский, по благородному свойству своей природы, идет жечь и истреблять для блага человечества. К тому же эта шаткость в сознании правительства, это недоверие, с которым оно относится к силам общества, не только не призывает их на помощь, но даже чуждается их. Все это ставит нашу молодежь в беззащитное положение от всяких нравственных мазуриков. Что делать, как оградить молодежь от этой заразы и как дать ей более плодотворный и нравственный выход для ее потребностей? Это один из важнейших вопросов, которых я, быть может, коснусь, ежели буду, в качестве министра государственных имуществ, призван стоять во главе высших Земледельческих училищ. Но и тут предвижу, что никогда не буду пользоваться доверием настолько, чтобы мог действовать самостоятельно. Стыдно вспомнить, как в прошлом году, после истории в Земледельческом институте, в которой обнаружилось, что студенты собираются и толкуют о социальных вопросах, все меры правительства заключались только в том, чтобы усилить агентов III Отделения в институте и, кроме того, государь велел собраться 7-ми министрам, чтобы обсудить, как устроить столовую в высших институтах, где студенты живут по найму, так, чтобы у них не было общей артели, а чтобы была кухмистерская. Об этом 8 министров толковали часа три и решили пригласить антрепренера устроить кухмистерскую, и хотя студенты и будут обедать вместе — но это не будет сходка, а ежели будут содержать кухни сами и обедать вместе — то это будет сходка. Право, смешно и грустно. Теперь опять я уверен, что по случаю нечаевского процесса будут приняты какие-нибудь подобные меры. Все это — вздор.

21-го августа. Сегодня государь выехал из Петербурга на Кавказ. Из Москвы он едет на Нижний, а там на пароходе по Волге в Астрахань, из Астрахани в

Петровск и Тифлис, а потом, через Поты, в Ливадию, и все это должно совершиться в течение одного месяца. Сегодня же выезжает императрица прямо в Ливадию, не останавливаясь в Киеве, как было предположено прежде, по случаю холеры в Киеве. По Волге и на Кавказе давно уже делаются большие приготовления для принятия царя. К сожалению, почти везде холера омрачает радость встречи, не менее того, я уверен, что по всей Волге восторг народный не будет иметь пределов. Одно, что, по всей вероятности, произведет самое дурное впечатление, это быстрота путешествия. Нигде царь не даст на себя посмотреть, а уже сам, конечно, ничего не увидит. Это будет такая суета, что я просто не понимаю, как можно добровольно подвергать себя такой физической и нравственной пытке. Железные дороги и пароходные сообщения не только не облегчили возможность частых и спокойных высочайших путешествий, а, напротив того, превратили эти путешествия в какое-то бесцельное летание от одного полюса к другому на виду восторженного народа, несколько месяцев ожидавшего этого проезда. Дай Бог, чтобы по крайней мере все бы обошлось благополучно в этом путешествии. С государем едут наследник и Владимир Александрович, так что здесь вплоть до ноября никто не останется. С государем едет граф Шувалов, который, по-видимому, более в милости, чем когда-либо.

Я в течение нынешнего месяца имел несколько докладов, два в Красном Селе и один в Петергофе. Царя я нашел по возвращении его из-за границы еще более усталым и равнодушным к делам. Одно его, по-видимому, продолжает сильно смущать — это судебная реформа. Ход нечаевского процесса ему не нравится, чего он и его ближайшие советники ожидали и желали от судебной реформы — остается совершенной загадкой, но дело в том, что он постоянно повторяет и приказывает министру юстиции и князю Урусову⁶⁰ что-нибудь сделать, и вот теперь все эти господа придумывают, что бы такое сделать, говорят, даже Тимашев придумал какие-то 4 пункта, но говорят также, что Шувалов сам находит, что эта выдумка слишком глупа. В течение зимы, вероятно, будут изданы какие-нибудь реакционные правила, но все-таки цели своей эти господа не достигнут, а только возбудят смех и неудовольствие.

Вся штука в том, что не следует свою всю надежду возлагать на дураков и исключительно ими наполнять суды и администрацию. Вот что справедливо говорят «Московские ведомости» в одной из статей своих по поводу нечаевского процесса^г.

Апухтин написал очень удачное четверостишие на Тимашева.

Вот оно:

Тимашев мне ни froid, ни chaud*,
Я в ум его не верю слепо.
Он, правда, лепит хорошо,
но министерствует нелепо.

Я бы выразился сильнее...

^г Не приведено в тексте.

* ни холодно, ни жарко

5-го ноября. Весь сентябрь и октябрь я был нездоров сильными геморроидальными припадками. Хотя этот недуг и не останавливал моих служебных занятий, но всякий посторонний труд был мне не по силам, вот почему я несколько запустил свой дневник. Впрочем, во все это время было полное затишье в общественной жизни. Царь был в отсутствии и только недавно вернулся со своего путешествия по Волге и Кавказу. Министры и Государственный совет собрались только к концу сентября, и никаких особо замечательных дел не было. К 29-му сентября собралось все мое семейство в Петербург, и мы отпраздновали с женою нашу серебряную свадьбу. В конце октября началась обычная деловая жизнь, а теперь она в полном разгаре. В понедельник, 1-го ноября, был мой первый, по возвращении государя, доклад в Царском Селе, а во вторник вечером я отправился в Москву, куда вечером приехал государь на охоту, и весь следующий день охотился в парке, где перебита пропасть разных зверей. Все это происходило обычным порядком — еда, охота, игра в ералаш. В еде я мало принимал участия, ибо все еще хвораю, на охоте застрелил одну козулю. Государь, по-видимому, очень доволен Кавказом и всеми бывшими там встречами и празднествами. Но вынес ли он какое-либо впечатление из своего путешествия по России — это совершенно неизвестно, но надо полагать, что никакого, ибо при докладе он ни одним словом не заявил мне о виденном им по части управляемого мною министерства. Зеленый еще за границей, намерен вернуться в декабре, но в состоянии его здоровья, кажется, особой перемены к лучшему нет.

17-го ноября. Сегодня был я в одном довольно замечательном заседании у великого князя Константина Николаевича. Он приглашал к себе вечером на частную беседу: священников о.о. Васильева и Янышева, обер-прокурора Синода графа Толстого, Осинина, Головнина и меня. Из списков приглашенных я понял, что речь будет идти о поднятом осенью нынешнего года в Мюнхене, на Конгрессе старокатоликов, вопросе о соединении их с православной церковью. Я знал, что этот вопрос сильно интересуется великого князя и что по его настоянию был послан от нас на этот конгресс г. Осинин, не в качестве официального представителя православной церкви, а в виде частного любознательного ученого богослова. По первому известию о суждениях, происходивших на этом Конгрессе, можно было видеть, что протест старокатоликов против нового догмата непогрешимости папы принимает в Германии весьма серьезное значение и что старокатолики явно стремятся стать на путь соединения церквей. Факт этот поразителен и не может не радовать людей, серьезно относящихся к вопросам веры. Это первое серьезное движение в Западной Европе в смысле соединения веры, не всеми, однако, оценивается одинаково, многие относятся к нему с недоверием. Первый энергичный голос по этому вопросу подал в Москве Иван Аксаков, напечатав превосходное письмо на имя Деленгера, в котором он, выражая все свое сочувствие движению старокатоликов, высказывает им, однако, с неумолимой логикой много истин, доказывая невозможность оставаться на полпути и призывая их к прямому и безусловному обращению — соединению с восточной православной церковью.

Со своей стороны, профессор Осинин по возвращении из Мюнхена, сперва в частных беседах, а потом на публичных чтениях, излагал подробности бывших на Конгрессе прений. Теперь в Москве и Петербурге с этим вопросом ознакомились многие, и он стал предметом разговоров. Великий князь, как я уже сказал, давно занимавшийся и следящий за ходом этого дела, принял на себя инициативу образования кружка из людей, сочувствующих делу, для того чтобы, помимо всякого правительственного и церковного участия, войти в некоторые общения со старокатоликами. Когда все мы уселись около стола и закурили сигары, великий князь очень основательно и ясно сообщил нам цель нашего собрания; он указал на то важное значение, которое имеет это движение в западной церкви, но при этом он заявил, что движение это так ново, так еще мало созрело, что ни церкви нашей, ни правительству не следует теперь выступать непосредственно и принимать какое-либо участие в пользу этого движения, но зато общество должно сделать все возможное, чтобы помогать движению и направлять его на прямой путь. Для этой цели он и пригласил к себе и духовных лиц, и обер-прокурора, дабы не могли кружок наш заподозрить в каком-либо самовольном стремлении.

Великий князь уверен, что в Москве также найдутся люди, которые также пожелают содействовать общей цели; таким образом, мало-помалу установится между нами и старокатоликами постоянное общение, которое главною должно иметь целью — разъяснить понятия западных старокатоликов относительно восточной церкви, и в особенности искоренить в них закоренелые их предрассудки относительно Российской церкви. Великий князь говорил весьма убедительно и с полным знанием дела, видно, что мысль в нем созрела. Засим адъютант его Корнилов, в роли секретаря, прочел несколько писем от некоторых духовных православных лиц за границей, полученных им. Они признают необходимость нашего участия в движении старокатоликов. По поводу этих писем были весьма интересные толки. Вообще все это заседание было весьма замечательно и любопытно, и оно повторится на будущей неделе. Может быть, это начало великого дела. В Москве есть Общество любителей духовного просвещения, вероятно, наш кружок примкнет к этому Обществу, и, может быть, в него войдут члены из старокатоликов — для них Общество будет издавать книги и брошюры на немецком и французском языках для ознакомления их с восточной церковью. Не знаю, суждено ли нашему поколению увидеть осуществление, хотя отчасти, соединения верующих, но я убежден, что этот вопрос может пробудить и нашу дремлющую церковь, по крайней мере, в частности, те вопиющие недостатки и злоупотребления едва ли устоят перед справедливой критикой тех, перед которыми мы должны будем явиться образцами. Уже в сегодняшнем заседании было указано на некоторые печальные стороны этого дела, требующие немедленного исправления.

23-го декабря. Сегодня, в 1 час дня пополудни, было заседание Совета министров под председательством государя, для обсуждения вопросов о дальнейшем направлении проекта закона о печати и цензуре, так по крайней мере обозначена была цель собрания в пригласительном письме, полученном мною

от Корнилова⁶¹. Обыкновенно товарища министра, временно управляющего министерством, не приглашают в Совет, поэтому обо мне статс-секретарь Корнилов докладной запиской спрашивал особо государя, следует ли меня приглашать, и, получив утвердительный ответ, послал мне извещение, которое я получил вчера в Лисине, где был по случаю царской охоты на медведя. Таким образом, я в первый раз присутствовал на Совете министров под председательством государя. О цели этого собрания я слышал еще прежде от графа Шувалова; несколько дней перед тем он в длинном разговоре со мной выразил мысль, что новая работа по составлению устава печати, в особенности в форме книг, сделанная князем Урусовым, ничего нового не предлагает, что ее рассматривать будут очень долго во всех инстанциях, а между тем печать выходит из всех пределов терпимости и власть совершенно бессильна подавлять законным путем вредные учения, распространяемые книгами. И потому граф Шувалов не надеется, чтобы новый устав печати помог бы правительству, а что, по его мнению, нужно только издать одну статейку, которой бы разрешилось бы министру внутренних дел запрещать всякую вышедшую или имеющую выйти в свет книгу, не начиная никакого судебного преследования. «Значит, Вы хотите восстановить цензуру?» — спросил я Шувалова. «Ну, там как хотите разумеете, — отвечал он, — я всех этих юридических тонкостей не понимаю, а вижу, что иначе ничего сделать нельзя». Я ответил ему, что такого же мнения, что ежели они не могут выносить той доли свободы, которая дана, и ежели не хотят и не умеют противодействовать вредной стороне печати, то цензура есть единственное средство, я это самое писал в особой записке, которую передал Тимашеву, прежде назначения комиссии Урусова для составления нового Устава о печати. При этом я только напомнил Шувалову, что цензура у нас была, что с ней возились немало и безуспешно в такое время, когда еще не было публичного суда с адвокатами и земских и других публичных собраний, и что теперь возвращаться к цензуре будет не так легко, как он думает. На это Шувалов объявил мне, что государь желает, чтобы несколько министров условились между собою о том, что делать. Впоследствии я узнал, что Шувалов, Пален, Тимашев и Урусов получили от государя приказание обсудить, какой ход дать новому Уставу. Вот эти-то господа явились в Совет министров, условились между собою и, разумеется, через посредство Шувалова совершенно расположили государя в пользу своего мнения.

Совет открылся вступительными словами государя, который объяснил, что желает, чтобы немедленно были приняты меры к обузданию прессы, и что обширный труд князя Урусова потребует для его рассмотрения много времени, а потому он поручил некоторым министрам, до которых этот вопрос ближе касается, представить ему свои по этому поводу соображения. Засим Урусов рассказал, что они пришли к единогласному заключению о необходимости, не ожидая издания нового Устава о печати, теперь же временно принять некоторые меры, цель и значение которых он предоставил развить графу Шувалову. Засим Шувалов представил безобразную и мрачную картину действий нашей прессы, в особенности книжной, стремящейся возбуждать и волновать к революционным и анархическим стремлениям всю читающую публику. Во

время его речи государь часто прерывал его, прибавляя от себя всякие частные указания на вредное направление печати и бессилие власти, будто бы имеющей поддержку в законах. Засим Шувалов формулировал заключение, совершенно тождественное с тем, которое он мне говорил перед тем, т. е. чтобы министру внутренних дел предоставлено было задерживать всякую книгу без судебного преследования. Засим граф Пален стал доказывать, что не есть дело суда рассматривать проступки и преступления печати, и при этом он высказал удивительные юридические афоризмы. Потом граф Толстой в ярких чертах изобразил, как наша учащаяся молодежь гибнет от читаемых книг, и в заключение Тимашев объявил, что все сказанное другими министрами вполне должно его оправдать от обвинения в слабости, которому он нередко подвергался, ибо де теперь, кажется, не может быть более сомнения, что правительство при настоящем положении нашего законодательства совершенно бессильно что-нибудь сделать. Засим государь обратился ко всем присутствующим и спросил, не имеет ли кто что-либо возражать. Всякий из нас чувствовал, что никакое слово возражения не найдет ни в ком отголоска. Много мне нужно было сдерживать себя, чтобы не заговорить, хотя бы только для того, чтобы указать на всю неуместность издания отдельной меры, которая в общем Уставе могла бы получить другое значение. Но фальшивое мое положение и неопределенность будущего удержали меня в пределах молчаливого благоразумия, ибо слова мои неминуемо приняты были бы за неуместное вмешательство в дело, уже решенное. На меня все это заседание произвело самое тягостное впечатление, но вместе с тем я вынес убеждение, что при том направлении, которое теперь преобладает в главных влиятельных лицах, и при том отсутствии всякой возможности и иного способа действия — цензура действительно неизбежна. Она завлечет их далеко, наделает много скандальных выходов, но по крайней мере у них не будет отговорки к отсутствию репрессивных средств. Шувалов мне, впрочем, полюбился последовательностью своей речи и, кажется, искренним убеждением. Не будь этот человек воспитан в растлевающей школе III Отделения, имей он несколько познаний, и в особенности знание России и любви к ней, он мог бы быть полезным человеком. Все его способности обращены теперь в ловкость и в старание приискать экспедиенты⁶² для удовлетворения минутных потребностей. Общего взгляда или смысла государственного человека нет вовсе и, вероятно, никогда не будет.

К Новому году ждут новых назначений в Государственный совет. Великий князь видит неотложную необходимость хоть сколько-нибудь освежить состав Совета новыми членами, и действительно пора. Барон Корф — председатель Департамента законов — просится на покой по болезни, на его место назначается князь Урусов, сохраняя должность управляющего II Отделением; Игнатъев, председательствующий в департаменте Гражданском, тоже отказывается от деятельной службы. Один только Чевкин — председатель Департамента экономии — еще бодр и неутомимо деятелен. Остальные же члены всех департаментов, за исключением Грота, совершенно негодны и никуда негодны ни на какое дело, а усилить состав департаментов из членов Общего собрания решительно невозможно, за неимением ни одного живого лица. В Новый год, говорят, будут назначены сенаторами Победоносцев, Зубов, Мансуров и Войцехович, первые три —

1872 год

по предложению великого князя, а последний — по выбору Шувалова и проч. Назначение новых членов, кажется, не понравится реакционной партии, которая не желала бы иметь в Государственном совете членов живых. Мое положение все еще остается неопределенным, и едва ли оно определится к Новому году. Зеленый возвращается из-за границы на днях в том же болезненном положении, в каком выезжал. Seriously вступить в управление министерством ему будет невозможно, но, по-видимому, он не желает просить увольнения, а, вероятно, попробует заниматься, ибо хочет кончить и направить некоторые дела. В последнее время меня как-то перестали называть его преемником, и в общем мнении все более и более утверждается моя кандидатура. Я сам начинаю думать, что шансы мои довольно велики, и едва ли удастся противникам моего назначения провести своего кандидата. Государь, видимо, лично ко мне расположен, во все время моего управления министерством не было повода к недовольствию, и миновать меня в предстоящем назначении едва ли он решится без каких-либо уважительных причин. Всего вероятнее, настоящее положение продлится до Пасхи. Зеленый все это время будет рапортоваться больным. Я буду управлять министерством и к Пасхе буду назначен, а Зеленый уедет за границу. Впрочем, это только одни мои предположения — дело разъяснится на днях по возвращении Зеленого. Послезавтра, в понедельник, будет докладываться в Государственном совете государственная роспись. В первый раз после долгого времени, а может быть, вообще в первый раз, ибо прежде правильность росписи не составлялась, она заключается не только без дефицита, но с некоторым остатком, несмотря на экстраординарные расходы, в смету расходов уже внесенных. Это весьма утешительное явление, в особенности знаменательно возрастание дохода от косвенных налогов. Недавно явилась ко мне депутация от прежних моих сослуживцев в Таможенном ведомстве и поднесла мне одну стипендию в память моего управления Таможенным ведомством. Очень меня порадовало это внимание и память людей, уже от меня не зависящих, — тем более, что я со своей стороны ничего не сделал, чтобы вызвать подобное сочувствие. Сегодня уже напечатано известие в газетах об этой стипендии.

Третьего дня воротился Зеленый, на вид ему как будто лучше, но все почти признаки параличного состояния остались почти те же самые. Он сам чувствует, что заниматься не может, поэтому вчера, представляясь государю, решительно объявил ему, что вступить в управление министерством не может, но желает оставаться некоторое время в звании министра, чтобы окончить некоторые дела. Государь на это согласился, приказав мне продолжать управлять министерством. Поэтому положение мое продолжает оставаться неопределенным. Это продолжится, вероятно, до весны.

1872 год

19-го февраля. Сегодняшний день, канун великого дня освобождения крестьян, омрачен был воспоминанием об утрате главного деятеля по этому вопросу. На днях скончался в Москве Николай Алексеевич Милютин. Хотя